ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО.

СОДЕРЖАНІЕ:

Два портрета Л. Шишко.
1. *Ф. Волховскій.* Л. Шишко (біографическій очеркъ).
2. Завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ.
3. *Л. Шишко.* Изъ воспоминаній прошлаго.
4. *Его же.* Письмо Жоресу.
5. *Его же.* Къ вопросу объ организаціи.
6. *Ст. Слетовъ.* Списокъ работъ Л. Э. Шишко.
7. Похороны Л. Шишко.
8. Рѣчи на могилѣ Л. Шишко.
9. Письма и телеграммы.

1910.

Леонидъ Шишко.

ОЧЕРКЪ.

—o—

„.............................. Промчатся годы
И, сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей нибудь ужъ близокъ часъ". *)

Когда этотъ часъ наступаетъ, въ кругу близкихъ, знавшихъ ушедшаго изъ жизни, образуется неловкая, часто — тяжкая, мучительная пустота. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и новыя впечатлѣнія заполняютъ пустоту. Если кругъ людей, среди которыхъ вращалась исчезнувшая личность, узокъ и вліяніе ея на нихъ было блѣдно и безформенно, то образовавшаяся пустота затягивается быстро и полно, до потери самой памяти объ отошедшемъ. Но если умершій оставилъ по себѣ богатое духовное наслѣдство, то, хотя острое, горькое чувство потери со временемъ изгладится, — память о немъ не умретъ и обратится даже въ источникъ свѣтлыхъ воспоминаній и тихой радости.

Въ такомъ именно положеніи находятся всѣ знавшіе или читавшіе Леонида Эммануиловича Шишко. Его нѣтъ болѣе съ нами. Его тихая, скромная, неторопливая фигура не движется, чуть-чуть покачиваясь, среди насъ. Его милая легкая улыбка, точно освѣщавшая извнутри радостью изможденное лицо, не встрѣтитъ уже его друзей при свиданіи; его руки не заключатъ любовно и ласкающе ихъ руки. Его рѣчь, —

*) А. С. Пушкинъ — „Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ".

негромкая, нерасцвѣченная никакими искусственностями, но всегда дышавшая почти дѣтской искренностью и живымъ интересомъ къ другимъ, — не коснется болѣе нашего слуха. Но его внутренняя чистота (когда то подавшая поводъ Перовской сказать, что „Шишко не только чистый, но химически-чистый человѣкъ“), поддерживавшая во всѣхъ, знавшихъ его, вѣру въ человѣчество, — но его заразительная, ничѣмъ непоколебимая увѣренность въ конечномъ торжествѣ добра,—наконецъ, его критическая, философская мысль и его труды на полѣ популяризаціи политическихъ и соціологическихъ истинъ остались съ нами: они создаютъ въ насъ — и многіе, многіе годы будутъ создавать — то свѣтлое настроеніе, которое заставило Жуковскаго написать о дорогихъ покойникахъ прекрасныя строки:

Не говори съ тоской — „ихъ нѣтъ!“
Но съ благодарностію — „были!“

I.

Леонидъ Шишко принадлежалъ по своему внутреннему складу и по исторіи своей жизни къ тѣмъ соціалистамъ-идеалистамъ, которые стали на стражу интересовъ трудящагося люда задолго до того, какъ сами трудовыя массы сознали свои права и ополчились за нихъ. И сдѣлалъ онъ это, какъ сдѣлали всѣ его современники того же склада, не потому, что онъ лично, что его общественное положеніе, или индивидуальная жизнь непосредственно терпѣли отъ соціальной несправедливости, а потому, что существующее неравенство, эксплуатація, угнетеніе другихъ — возмущали его душу и лишали его того внутренняго покоя и удовлетворенія, безъ которыхъ немыслимо наслажденіе какими бы то ни было благами человѣческой жизни. Онъ родился 19 мая 1852 года въ помѣщичьей, то есть привиллегированной семьѣ, и данное ему воспитаніе обезпечивало ему хорошую привиллегированную карьеру. Согласно дворянскимъ традиціямъ онъ былъ отданъ въ кадетскій корпусъ (въ то время называвшійся военной гимназіей) и, по окончаніи курса, поступилъ въ 1868 году

въ Михайловское Артиллерійское Училище въ Петербургѣ. Онъ учился хорошо и спеціально-военная сторона воспитанія, несмотря на крайнюю невоинственность Леонида, повидимому, въ то время не тяготила его. По крайней мѣрѣ онъ усваивалъ специфически военную тренировку охотно и успѣшно. Мнѣ вспоминается, какъ, много лѣтъ спустя, у меня зашелъ съ Леонидомъ разговоръ о верховой ѣздѣ. Я говорилъ, какъ меня учили въ дѣтствѣ, что слѣдуетъ опираться на стремя только пальцами и держать носки врозь; онъ утверждалъ, что „совсѣмъ наоборотъ“: надо засунуть ступню, какъ можно глубже и держать пятки врозь, „иначе шпоры будутъ колоть лошадь“... И когда я отъ души разсмѣялся (комичному контрасту между чисто профессіональной горячностью, съ которой Леонидъ принялъ къ сердцу предметъ, и полнымъ отсутствіемъ воинственности въ его фигурѣ и характерѣ), то онъ, вторя мнѣ смѣхомъ, замѣтилъ полушутя, словно ставилъ точку послѣ своихъ доводовъ: „Нѣтъ, ужъ извините; это-то мы знаемъ: спеціальный курсъ прошли!“

Шишко былъ выпущенъ изъ училища въ маѣ или іюнѣ 1871 года подпоручикомъ артиллеріи; но, къ величайшему негодованію начальства и несмотря на уговоры послѣдняго, онъ немедленно подалъ въ отставку и покинулъ военную службу мѣсяца черезъ три по выходѣ изъ училища. Осенью 1871-го года онъ поступилъ въ Технологическій институтъ.

Шагъ этотъ объясняется исканіемъ правды и стремленіемъ быть полезнымъ народу. Чувство задолженности привиллегированнаго человѣка передъ обдѣленными и нравственной отвѣтственности за темноту и тяготу жизни массъ было уже сильно въ юношѣ (Шишко было въ то время всего 19 лѣтъ) и возникло оно въ немъ путемъ чтенія и размышленія. Какъ разсказываетъ самъ Леонидъ въ своемъ очеркѣ „Сергѣй Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ“, хорошія книги—легальныя—проникали въ училище, и тамъ, на второмъ курсѣ, даже образовалась группка юнкеровъ, серіозно „интересовавшихся общественными вопросами“. „Я очень хорошо помню,—говоритъ Шишко,—что въ первый разъ меня заставила серіозно задуматься надъ общественными вопросами статья Писарева „Наши реалисты“. Особенно сильное впечатлѣніе произвели тогда на меня тѣ страницы этой статьи, на которыхъ Писаревъ выясняетъ огромныя нравственныя обязательства, лежащія на каждомъ

человѣкѣ по отношенію къ окружающему его обществу. Эта простая, повидимому, мысль вызвала тогда во мнѣ цѣлый душевный переворотъ, и ею, въ сущности, опредѣлилась съ того самаго момента программа всей моей жизни; цѣль личнаго существованія была тогда найдена мною“. Нужно имѣть въ виду, что съ переходомъ Леонида на второй курсъ къ прежнимъ вліяніямъ присоединяется еще одно, дѣйствующее, въ общемъ, въ томъ же народническомъ направленіи, но съ новымъ оттѣнкомъ: въ Михайловское училище на 3-й, такъ называемый спеціальный курсъ, поступаетъ изъ Александровскаго юнкеръ Сергѣй Кравчинскій и старается придать товарищескому кружку Шишко революціонный пошибъ. Онъ, между прочимъ, основываетъ тенденціозную библіотеку, въ которой Леонидъ принимаетъ дѣятельное участіе.

„Цѣль личнаго существованія“ Шишко опредѣлилась еще въ училищѣ, но средства къ достиженію этой цѣли ему приходилось все еще искать и этимъ объясняется его поступленіе въ Технологическій. Однако и Технологическій не удовлетворилъ юнаго искателя правдивыхъ и полезныхъ народу путей и онъ рѣшилъ сдѣлаться народнымъ учителемъ. Зиму 1871-2 года *) Леонидъ еще провелъ въ Петербургѣ, но вскорѣ послѣ Рождества 1872 г. бросилъ институтъ и отправился въ Москву, гдѣ у него былъ близкій товарищъ, питавшій одинаковыя съ нимъ стремленія къ сближенію съ трудящейся массой. Оба предложили свои услуги земству въ качествѣ народныхъ учителей. Однако, Леониду не суждено было пойти именно по этому пути. За время своего студенчества онъ встрѣчался съ нѣкоторыми членами кружка „чайковцевъ“ (такъ названнаго по имени одного изъ наиболѣе видныхъ и старѣйшихъ его членовъ — хотя и не основателя — Николая Васильевича Чайковскаго), не зная еще, но догадываясь, что они составляютъ тайную организацію. „Идея необходимости сближенія съ рабочими массами носилась тогда въ воздухѣ“ и должна была составить общую почву, на которой произошло сближеніе между Шишко и кружкомъ. Кружокъ оцѣнилъ нравственный обликъ юнаго народника и какъ разъ въ то время, какъ послѣдній ждалъ въ Москвѣ отвѣта отъ земскихъ управъ, ко-

*) Въ рукописи Шишко „Изъ воспоминаній прошлаго“ говорится о зимѣ „1873“ года, но это явная описка.

торымъ послалъ письма, онъ получилъ посланіе отъ Кравчинскаго, сообщавшаго о томъ, что кружокъ чайковцевъ приглашаетъ Леонида вступить въ число его членовъ. Не медля ни часа, Шишко выѣхалъ въ Петербургъ.

Это составило эпоху въ жизни Шишко. Кружокъ чайковцевъ развилъ и укрѣпилъ въ немъ тѣ индивидуальныя черты — нравственную цѣльность, чистоту и искренность, — которыя съ начала и до конца его революціонной карьеры составляли его силу — огромную силу, — и наложилъ на него ту величавую печать идеализма, которая не стерлась за всю его жизнь, полную практическихъ проблемъ и практическаго дѣла.

Кружокъ чайковцевъ имѣлъ своею конкретною, сознательно поставленною передъ собою цѣлью — пропаганду освободительныхъ идей — политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ — какъ среди интеллигенціи (прежде всего — учащейся молодежи), такъ и среди рабочихъ и крестьянства. Для этого кружокъ покупалъ большими партіями и съ огромной уступкой хорошія легальныя книги и брошюры и, черезъ своихъ членовъ и провинціальныхъ союзниковъ, перепродавалъ и частью раздавалъ среди учащейся молодежи и трудового люда. У кружка были связи со всѣми университетскими городами и, кромѣ того, съ Екатеринбургомъ, Вяткой, Нижнимъ и многими другими. Рабочіе, „распропагандированные“ въ Питерѣ, развозили книжки по деревнямъ. Съ теченіемъ времени кружокъ сталъ самъ издавать книги, сперва легальныя, а затѣмъ завелъ собственную типографію заграницей и сталъ печатать книги и брошюры безъ цензуры. Особенно широкое распространеніе получили слѣд. народныя изданія: „Сказка о четырехъ братьяхъ“ Льва Тихомірова; „Исторія одного крестьянина“ (въ двухъ различныхъ редакціяхъ) — передѣлка изв. романа Эркмана-Шатріана, сдѣланная Засодимскимъ; „Чтой-то братцы...“ листовка, написанная Л. Шишко; „Стенька Разинъ“ — нѣсколько передѣланная драматическая поэма Н. Вроцкаго и нѣкоторыя другія.

Рядомъ съ этимъ кружокъ велъ устную пропаганду. Еще въ 1871 году онъ началъ заводить связи съ рабочими. Затѣмъ начались правильныя занятія на химическомъ заводѣ Жданова и въ другихъ мѣстахъ, — на Выборгской сторонѣ, за Невскою заставой. Обучали взрослыхъ рабочихъ — желающихъ — чтенію, письму, арифметикѣ, географіи. Но послѣ та-

кихъ уроковъ „заводили съ рабочими разговоры объ ихъ житьѣ-бытьѣ: разговоры сводились зачастую на религіозныя темы, толковали объ Евангеліи и съ точки зрѣнія евангельской разбирали неправду русской жизни. Читали рабочимъ соотвѣтствующія книжки, касались и щепетильнаго вопроса объ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ“. *)

Личныя сношенія членовъ кружка съ учащейся молодежью тоже носили чисто пропагандистскій и агитаціонный характеръ. Синегубъ упоминаетъ о прочитанной въ одной изъ квартиръ кружка полковникомъ Фалецкимъ лекціи о Лассалѣ и о произнесенной въ другой разъ студентомъ Чиковымъ рѣчи по случаю несостоявшихся поминокъ на могилѣ Добролюбова. „Послѣ рѣчи Чикова молодежь не расходилась, а, разбившись по нашимъ четыремъ комнатамъ, разговаривала, спорила, шумѣла на тему служенія народу, сверженія самодержавія, народовластія и т. п.“ **)

Связи Шишко и Кравчинскаго съ Артиллерійскимъ Училищемъ, гдѣ заложенныя ими традиціи самообразованія съ народническими тенденціями не прерывались, оказались весьма полезными для работы среди молодежи. Въ Училищѣ существовала группка изъ нѣсколькихъ юнкеровъ: Д. Аитова, Н. Теплова, Н. Нефедова, Василія Сидорацкаго, В. Усачева и Циммермана. Шишко и Кравчинскій читали имъ рефераты въ квартирѣ офицера Е. Е. Емельянова, „программы журнала „Впередъ“ и „Интернаціональнаго общества“, а также доказывали необходимость революціи, какъ единственнаго средства разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, находилось общество“... ***) Шишко не прерывалъ своихъ отношеній съ „артиллеристами“ и позже. Когда, по выходѣ изъ Училища, Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Аитовъ поселились на общей квартирѣ, Леонидъ посѣщалъ ихъ.

Всѣ эти юноши, за исключеніемъ Циммермана, одинъ за другимъ покинули Училище и готовились „идти въ народъ“. Еще ранѣе (лѣтомъ 1873 г.) пріѣхалъ съ юга бывшій членъ Херсонскаго „выводка птенцовъ“, Александръ Осиповичъ Лу-

*) „Воспоминанія чайковца“ — С. С. Синегуба въ „Быломъ“ за августъ 1906 г., стр. 40-41.

**) Тамъ же, стр. 39.

***) Обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ, помѣщенный въ „Госуд. Прест. въ Россіи въ XIX в.“ Paris. 1905. Т. III-й. Стр. 60 и слѣд.

кашевичъ, въ то время очень юный птенецъ. Возникалъ вопросъ — какъ мнѣ потомъ сообщалъ кто-то изъ чайковцевъ — о принятіи этихъ юношей въ кружокъ. Непосредственное принятіе ихъ признано было, однако, въ то время, нежелательнымъ, благодаря большой разницѣ во внутренней зрѣлости „птенцовъ“ и чайковцевъ *). Рѣшено было оказать имъ со стороны послѣднихъ всевозможное содѣйствіе, но оставить ихъ развиваться и мужать самостоятельно. „Артиллеристы“ (какъ звали собирательно этихъ юношей, хотя ни Лукашевичъ, ни студентъ медико-хирургической академіи Вл. Богомоловъ, тоже примкнувшій къ группѣ, никогда артиллеристами не были) устроили, между прочимъ, по иниціативѣ и при содѣйствіи Шишко и др. чайковцевъ, первую въ Петербургѣ тенденціозную слесарную мастерскую, гдѣ обучались слесарному дѣлу, „а отчасти и революціонному. Мастерская эта имѣла извѣстное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Петербургѣ. Въ ней перебывало много народа и она стала своего рода революціоннымъ клубомъ“ **). Зимою 1873-74 года вмѣсто слесарной была основана въ другомъ мѣстѣ кузнечная мастерская, въ которой, кромѣ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ уже артиллеристовъ“, учились ремеслу „вспышкопускатель“ Чернышевъ, Рабиновичъ, незадолго до того времени покинувшій Артиллерійское училище О. В. Өоминъ и др.

Очерченная (хотя очень бѣгло и неполно) дѣятельность давала кружку чайковцевъ возможность намѣчать, выдѣлять изъ общей массы наиболѣе способныхъ и надежныхъ людей и пополнять ими свой составъ, такъ что къ 1874 году организація чайковцевъ, вмѣстѣ съ союзными и афильированными группами стала многочисленною и всероссійскою. Насколько она была серьезна, видно изъ того, что центральный кружокъ ея далъ послѣдующему, широкому движенію такихъ людей, какъ Петръ Кропоткинъ, Сергѣй Кравчинскій, Маркъ Натансонъ, Софья Перовская; изъ Одесскаго кружка, состоявшаго въ федеративной связи съ чайковцами, вышли — Мартынъ Лангансъ, Андрей Желябовъ, Андрей Франжоли, Леонидъ Голиковъ и др. Изъ Московской группы чайковцевъ вышли:

*) Позже, именно въ февралѣ 1874 года Лукашевичъ былъ формально принятъ въ кружокъ.

**) „Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)“ —Старика.—„Былое“, № 10, 1906 г., стр. 27.

Фроленко, Николай Морозовъ, Наталья Армфельдъ и Батюшкова. И т. д. и т. д.

По мѣрѣ развитія и расширенія организаціи совершенствовались и ея конспиративныя приспособленія и техническія средства: шифры, способы сношеній, подпольное печатаніе, транспортъ через границу.

О личномъ участіи Шишко въ этой кружковой дѣятельности его собственныя воспоминанія и обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ даютъ слѣдующія конкретныя данныя.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Шишко отправился, согласно даннымъ ему указаніямъ, къ Чарушинымъ, жившимъ на Саратовской улицѣ, въ рабочемъ кварталѣ и, такъ сказать, поступилъ въ ихъ ближайшее вѣдѣніе. „Моя первоначальная дѣятельность", пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, *) „естественно примкнула къ дѣятельности Чарушина, въ вѣдѣніи котораго находился выборгскій районъ пропаганды. Сначала я только присутствовалъ при его „занятіяхъ" съ рабочими, какъ у насъ говорилось тогда; недѣли-же черезъ двѣ или три мнѣ на руки была передана небольшая новая группа, составленная стараніями рабочихъ, приходившихъ къ Чарушину и Кувшинской" (женѣ Чарушина). „Я думалъ было сначала вести со своей группой систематическія занятія по русской исторіи съ древнихъ временъ, съ географической картой и съ объясненіями первоначальнаго происхожденія Руси; но вскорѣ оказалось, что всѣ эти древляне и кривичи мало интересовали моихъ слушателей, а я чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ моей ближайшей цѣли необходимостью останавливаться на мало относившихся къ дѣлу народностяхъ. Тогда я прямо перешелъ къ отдѣльнымъ, наиболѣе важнымъ эпизодамъ русской исторіи".

По показанію одного изъ рабочихъ, данному на предварительномъ слѣдствіи, „Чарушинъ прямо предложилъ отправиться на родину съ нимъ или съ другимъ лицомъ, для возбужденія народа къ бунту, причемъ, какъ узналъ впослѣдствіи рабочій, предполагалось отправить съ нимъ Шишко". „Послѣ ареста Чарушина, послѣдовавшаго въ началѣ января 1874 года, Шишко уговаривалъ рабочихъ не робѣть, а

*) „Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ" *Л. Шишко.* „Русское Богатство", 1906 г., октябрь. Стр. 71 и слѣдующія.

дѣйствовать такъ, какъ училъ Чарушинъ, и совѣтовалъ въ случаѣ ареста отзываться незнаніемъ".

По мѣрѣ того, какъ развивается работа Леонида, онъ сближается (на почвѣ той же работы) съ Соней Перовской, игравшей, несмотря на ея крайнюю молодость, выдающуюся роль въ кружкѣ. Она находитъ комнатку рядомъ съ комнатой Шишко и поселяется въ ней, но самостоятельныхъ занятій съ рабочими не ведетъ. Въ концѣ августа оба переѣзжаютъ съ Саратовской улицы въ Казарменный переулокъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ снимаютъ небольшой отдѣльный домикъ. „Здѣсь происходили теперь общія совѣщанія кружка" и собирались для занятій рабочіе.

Занимаясь съ рабочими, Леонидъ въ то же время клалъ не мало труда на чтеніе и самоподготовку къ занимаемой уже роли пропагандиста. Этимъ, однако, труды его не ограничивались. Въ обвинительномъ актѣ есть ссылка на то, что онъ собиралъ для революціонныхъ цѣлей деньги и печаталъ нелегальщину. Въ верхнемъ этажѣ одной изъ квартиръ, въ разное время занимаемыхъ „артиллеристами", хранился ручной типографскій станокъ. Въ этомъ помѣщеніи раза два Шишко съ неизвѣстной личностью провели нѣсколько часовъ, заперевъ дверь на ключъ. Онъ же снабдилъ артиллеристовъ нелегальными изданіями для учителя села Подоспье, Гдовскаго уѣзда, когда они туда ѣздили". *)

Весной 1874 года Шишко вмѣстѣ съ Кравчинскимъ и Клеменцемъ перебрался въ Москву, гдѣ подъ ихъ вліяніемъ революціонизировался кружокъ, собиравшійся у О. Г. Алексѣевой (Н. Саблинъ, Н. Ал. Морозовъ, К. Аркадакскій и др.). Посѣщалъ онъ и „учебную" мастерскую, устроенную на Преснѣ Фроленкомъ. **)

Такимъ образомъ кружокъ чайковцевъ далъ Шишко почву и средства для выработки изъ него практическаго русскаго революціонера. Но эта сторона вліянія кружка была отнюдь не единственною и, можетъ быть, даже не главною.

*) Обвинительный актъ въ указанномъ уже изданіи „Госуд. Пр. въ Россіи". Стр. 37, 38, 64 и др.

**) „Въ началѣ жизни". Н. Морозова. „Р. Бог." 1906 г., № 5. См. также указанныя уже воспомин. Шишко въ № 10-мъ „Р. Бог." и обвин. актъ.

Была другая сторона: сторона вліянія нравственнаго на выработку своихъ членовъ, какъ личностей.

Кружокъ состоялъ почти цѣликомъ изъ „кающихся дворянъ“ и, во всякомъ случаѣ, изъ людей, стремившихся искупить невольную вину своего привиллегированнаго положенія. „Для молодежи того времени главнѣйшей задачей было рѣшить, какую избрать дѣятельность, чтобы приносить наибольшую пользу народу, передъ которымъ она, интеллигентная молодежь, считала себя неоплатнымъ должникомъ, купившимъ свое развитіе цѣною тяжкихъ народныхъ страданій, и какую надо было вести жизнь, чтобы по возможности меньше эксплуатировать и обездоливать народъ, такъ какъ тогда молодежь полагала, что все, что она тратитъ на свою жизнь, — не только роскошь, а даже самое скромное довольство — было „стяжаніемъ неправымъ“, отнятіемъ у трудового народа ему принадлежащаго“. *)

Публицисты того времени любили вычислять, какая сумма, въ среднемъ, пришлась бы на человѣка, еслибы весь доходъ націи раздѣлить на число населенія, и получали ужасныя цифры: 11 копѣекъ, 7 копѣекъ въ день! П. Ткачевъ сдѣлалъ одинъ изъ такихъ разсчетовъ (если не ошибаюсь—въ „Дѣлѣ“) и пришелъ къ еще болѣе безотрадному результату. Такимъ образомъ для впечатлительныхъ душъ тогдашнихъ юныхъ искателей и искательницъ правды вопросъ этотъ принималъ форму личнаго заѣданія ими чужого куска хлѣба, — форму въ высшей степени тяжкую и мучительную. Нетрудно отсюда понять, что пунктъ о сведеніи личныхъ тратъ на физически возможный минимумъ сталъ одною изъ этическихъ заповѣдей тогдашней идейной молодежи, а это вообще ставило вопросы чистоты и нравственности въ личной жизни на первый планъ. Шишко разсказываетъ въ своемъ очеркѣ „С. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ“ о томъ, какъ „одинъ изъ довольно видныхъ членовъ“, „очень способный и хорошій организаторъ“, долженъ былъ выйти изъ кружка вслѣдствіе наклонности къ щегольству и неполной „искренности“, подъ которой, въ сущности, разумѣлось фанатическое отношеніе къ нравственнымъ требованіямъ. Ригоризмъ этотъ доходилъ въ тѣ времена

---

*) „Воспоминанія чайковца“ — С. С. Синегуба. „Былое“ за августъ 1906 г. стр. 40.

иногда до комизма, иногда до трагизма. Я помню, Чарушинъ одно время ходилъ въ какой-то желто-гороховой разлетайкѣ съ чужого плеча, которая развѣвалась на немъ, какъ на палкѣ и, вмѣстѣ съ его красными волосами, обращала на него вниманіе на улицѣ. „Михрюта“ Купреяновъ, сидя въ крѣпости, никогда не ѣлъ приносимыхъ для него лакомствъ, а отсылалъ ихъ менѣе ригористичнымъ товарищамъ. Синегубъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ догадку, что Купреяновъ отравился. Но я слышалъ иное толкованіе его смерти: мнѣ говорили, что онъ ни за что не хотѣлъ ѣсть ничего, кромѣ казенной пищи; а такъ какъ онъ былъ боленъ и не лѣчился, то въ концѣ концовъ и уморилъ себя. Но каковы бы ни были отдѣльные эксцессы этого направленія, общій характеръ создаваемой имъ атмосферы былъ въ высшей степени благотворенъ. Онъ прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ строкахъ стихотворенія одного изъ тогдашнихъ особенно выдающихся членовъ кружка:

Ты помнишь домъ за Невскою заставой?
Тамъ жили бѣдность, дружба и любовь;
Друзьямъ нужда казалася забавой
И часто кровь ихъ грѣла вмѣсто дровъ.
О счастьѣ тамъ заботилися мало.
Но страсть великая горѣла въ ихъ груди,
И жизнь имъ много счастья посылала,
И столько же сулила впереди... *)

И правъ С. Кравчинскій, говоря, что кружокъ чайковцевъ „въ значительной мѣрѣ создалъ извѣстную нравственную атмосферу и пустилъ въ обращеніе извѣстныя правила поведенія, которыя послѣдующее поколѣніе революціонеровъ ввело въ свой нравственный кодексъ. Это — огромная услуга движенію, всецѣло основанному на личной преданности идеѣ и на самопожертвованіи. Въ этой задачѣ нравственнаго воспитанія Леонидъ Шишко, несомнѣнно, участвовалъ въ полной мѣрѣ“. **)

---

*) „Къ моему пиджаку“ — стих. въ сборникѣ „Изъ-за рѣшетки“. Женева 1877 г. стр. 57. Прекрасное стихотвореніе это принадлежитъ —увы!—перу того самаго Льва Тихомирова, который нынѣ редактируетъ „Москов. Вѣдомости“ и креститъ яичко въ смятку прежде, чѣмъ вкусить отъ онаго.

**) Free Russia, organ of the Society of Friends of Russian

Онъ участвовалъ въ ней двояко: атмосфера кружка поддержала и развила въ немъ его прирожденныя наклонности и выработанную еще въ училищѣ идею нравственной отвѣтственности предъ народомъ, а онъ, въ свою очередь, дѣйствовалъ активно своею личностью на созданіе этой атмосферы и при передачѣ ея послѣдующему поколѣнію.

Этическая основа кружка, выражаемая формулой: „все для дѣла“, и соотвѣтственнымъ отодвиганіемъ собственной личности на послѣдній планъ, нашла себѣ въ Леонидѣ самое полное олицетвореніе какъ въ большихъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ. Ни требованія здоровья, ни личныя привязанности не могли остановить его, когда онъ полагалъ, что долженъ сдѣлать что либо въ интересахъ революціи. Мнѣ вспоминается, какъ въ Женевѣ, когда въ кругу лидеровъ нашей Партіи сознана была настоятельная необходимость отправить кого нибудь изъ центровиковъ для усиленной агитаціи въ крестьянствѣ и для его организаціи, и мы не могли, по разнымъ соображеніямъ, ни на комъ остановиться — Леонидъ предложилъ себя. Предложеніе было вполнѣ фантастическое, такъ какъ *физически* онъ былъ полнымъ инвалидомъ, котораго пищевареніе требовало спеціальной пищи, сердце — покоя, зрѣніе — очковъ, а весь онъ — тщательнаго ухода. Но онъ сдѣлалъ его съ полной серьезностью: лицо его свѣтилось радостью и, если бы мы согласились, онъ поѣхалъ бы. Другой иллюстраціей той же черты является присутствіе Леонида на всѣхъ партійныхъ совѣщаніяхъ. Болѣзнь сердца дѣлала опаснымъ всякое переутомленіе, всякое волненіе, а общее состояніе здоровья обращало нерѣдко совѣщанія эти въ большую тягость. Но Леонидъ былъ всегда однимъ изъ аккуратнѣйшихъ участниковъ ихъ. Лѣтомъ 1908 года организмъ его былъ настолько хрупокъ, что на Лондонскую Конференцію онъ могъ поѣхать лишь въ сопровожденіи добрѣйшаго Ал. Н. Баха, исправлявшаго при немъ должность няньки. Леониду запрещено было докторами подниматься на лѣстницы. Однако и при такихъ условіяхъ онъ былъ очень аккуратнымъ посѣтителемъ засѣданій (залъ былъ во второмъ этажѣ!) и внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ; между тѣмъ участіе въ нихъ

Freedom. November, 1891. London & New York. «Leonidas Shishko» by S. S. (т. е. Сергѣя Степняка—псевдонимъ С. Кравчинскаго).

было и для болѣе здоровыхъ до крайности утомительно; это я знаю по собственному опыту.

Еще примѣръ. Въ январѣ 1910 г. Леонидъ писалъ мнѣ: „Эта зима несчастная для меня. Въ началѣ декабря я тяжело заболѣлъ. Опять произошла закупорка сосудовъ, да такая, какой еще не было: съ страшно сильными болями и съ параличами. Дней десять могъ спать только подъ морфиномъ. Теперь начинаю только что поправляться; брожу по комнатѣ съ костылемъ и волочу лѣвую ногу“.

И вотъ въ эту именно зиму, при наличности такихъ страданій, Шишко тщательно поддерживалъ переписку съ одной изъ нашихъ молодыхъ организацій на югѣ Россіи, исполнялъ всѣ главнѣйшія и даже мелкія обязательства, взятыя на себя и искалъ все новаго и новаго сближенія со свѣжими людьми, особенно съ молодежью. Всего за два-три дня до смерти, лежа въ постели, онъ письмомъ напоминаетъ Транспортной Комиссіи, что необходимо измѣнить адресъ для посылки литературы одной изъ русскихъ организацій. Отодвиганіе собственной личности на послѣдній планъ, тогда какъ на первомъ стояло „дѣло“, выражалось и въ иной формѣ. Кому изъ лично знавшихъ Шишко неизвѣстно его отвращеніе къ тратамъ лично на себя, не оставлявшее его всю жизнь и приводившее къ шутливымъ вопросамъ друзей: „съ какой Матрены снялъ онъ свою куцавейку, облыжно называемую имъ пиджакомъ?“ — вопросамъ, на которые самъ онъ отвѣчалъ добродушнѣйшимъ искреннимъ смѣхомъ?

Осенью 1891 года Кравчинскій, желая дать иностраннымъ „друзьямъ свободы въ Россіи“ очеркъ типичнаго русскаго революціонера идеалистическаго періода, попросилъ Шишко прислать ему автобіографическія данныя. Вотъ что прислалъ ему въ отвѣтъ Леонидъ:

„Леонидъ Шишко родился въ 1852 году, арестованъ въ 1874 за пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ и содержался четыре года въ одиночномъ заключеніи. Въ 1878 году судился и присужденъ къ 9 годамъ каторжныхъ работъ. Сосланъ въ Карійскую каторжную тюрьму. Послѣ четырехлѣтняго заключенія въ ней переведенъ въ Читу, затѣмъ въ Томскъ и затѣмъ въ Иркутскъ. Осенью 1890 г. бѣжалъ, безъ приключеній достигъ Европы и находится въ безопасности.“ И это — все.

Комментируя приведенныя строки, Степнякъ говоритъ: „этотъ сухой перечень шестнадцатилѣтнихъ тяжкихъ страданій и испытаній весьма характеристиченъ для ихъ автора; онъ такъ искренно и естественно скроменъ, что для него непонятно, чтобы личныя о немъ свѣдѣнія могли быть кому бы то ни было интересны, кромѣ него самого“. Мнѣ кажется, что тутъ выразилась болѣе, чѣмъ скромность: это — полное забвеніе собственной личности въ виду всепоглощающаго „дѣла“.

Эта внутренняя чистота, это забвеніе самого себя, эта безграничная преданность дѣлу, въ связи со способностю Леонида любить человѣка, какъ человѣка, и относиться ко всякому, какъ къ человѣку, свѣтились въ его ясномъ взглядѣ, въ его тихой, ясной улыбкѣ и оказывали почти неотразимое дѣйствіе.

Къ старости люди становятся обыкновенно менѣе отзывчивыми, менѣе гибкими, а потому и болѣе сухими. Леонидъ избѣжалъ этого общаго правила. Вотъ что пишетъ о немъ Ст. Н. Слетовъ, узнавшій Шишко лишь въ 1901 г. заграницей:

„Л. Э. Шишко былъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые сразу производили на меня чарующее впечатлѣніе. Отъ него всего такъ и вѣяло душевною чистотой и искренностью; ко всѣмъ вопросамъ онъ относился съ живой непосредственностью и, разговаривая съ нимъ, забывались его годы, забывалось, что предъ тобою одинъ изъ стаи славныхъ, изъ фаланги 193-хъ, прошедшій каторгу и изгнаніе. Съ нимъ можно было ожесточенно спорить, не обинуясь высказывая свое несогласіе съ нимъ, не боясь оскорбить его дерзостной непочтительностью“...

Но я, въ своихъ иллюстраціяхъ характера Леонида, забѣжалъ далеко впередъ. Возвращаюсь къ „чайковскому“ періоду его жизни.

Шишко никогда не былъ и не могъ быть ораторомъ. Недостатокъ „дара слова“ соединялся въ немъ съ физическимъ недостаткомъ: взволнованный, онъ заикался. При всемъ томъ, по признанію его товарищей-современниковъ, во время его пребыванія въ кружкѣ чайковцевъ вліяніе его на рабочихъ было сильнѣе, чѣмъ многихъ болѣе краснорѣчивыхъ и болѣе возмужалыхъ членовъ. На это указывала Перовская въ 1874 году, въ Бобровѣ, Воронежской губ. По ея словамъ, онъ

привлекалъ рабочихъ своею моральною личностью. Нужно и то сказать: подходя къ рабочимъ вполнѣ, какъ равный къ равнымъ, онъ овладѣвалъ ихъ довѣріемъ и его тихій, чистый идеализмъ находилъ сочувственный откликъ въ ихъ сердцахъ. По всей вѣроятности и его популяризаторскій талантъ, развернувшійся пышнымъ цвѣтомъ въ писательской дѣятельности второй половины его жизни, уже сказывался въ то время въ его занятіяхъ и бесѣдахъ съ рабочими и тоже служилъ къ усиленію его вліянія. „Его моральное вліяніе,“—говоритъ М. А. Натансонъ,—„сказывалось и въ кружкѣ чайковцевъ“.

„Карьера русскаго революціонера коротка“, говоритъ Степнякъ въ цитированной уже выше статьѣ. „Работа Шишко продолжалась всего полтора года. Въ августѣ 1874 г. онъ былъ арестованъ въ Москвѣ, въ квартирѣ артиллеріи поручика Венюкова, „и не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ *). Затѣмъ послѣдовали 4 года одиночнаго предварительнаго заключенія въ ожиданіи вѣчно откладываемаго суда“.

Нѣтъ надобности распространяться о тягостяхъ одиночнаго заключенія: множеству нашихъ читателей онѣ извѣстны по личному опыту. Но необходимо подчеркнуть его срокъ—*четыре* года! При современномъ скорострѣльномъ (преимущественно военномъ) судопроизводствѣ по политическимъ дѣламъ рѣдко кому изъ товарищей молодыхъ поколѣній приходилось сидѣть такъ долго.

Во время заключенія въ Петропавловской крѣпости насъ посѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ. Богъ его знаетъ, зачѣмъ это ему понадобилось. Онъ въ сопровожденіи свиты входилъ въ камеру, задавалъ нѣсколько вопросовъ: „Кто?“ „За что?“ и т. п.; затѣмъ поворачивался и уходилъ. Со „штатскими“ онъ держалъ себя довольно прилично, хотя и весьма развязно. Но съ Шишко, какъ съ бывшимъ офицеромъ, обошелся возмутительно грубо.

Кромѣ постоянныхъ и случайныхъ тягостей одиночнаго заключенія, сведшихъ—изъ общаго числа обвинявшихся по „большому процессу“—73 человѣка въ могилу, либо въ сумасшедшій домъ, Шишко постигло въ тюрьмѣ спеціальное, тягчайшее бѣдствіе: онъ сталъ терять зрѣніе. Доктора заявили, что болѣзнь есть прямое слѣдствіе заключенія и что если Леонида не освободятъ, то ему грозитъ полная слѣпота. Попечительное на-

*) Обв. актъ. Цитированнаго изданія стр. 207.

чальство осталось, конечно, глухо къ голосу медицины: его дѣло было—„сохранить“ наиболѣе дѣйствительными средствами обвиняемаго для „правосудія“: если же онъ отъ этого потеряетъ глаза, или даже жизнь — „очень жаль, печальная необходимость... но сдѣлать ничего не могу!“

Наконецъ, 18 октября 1877 года наступилъ давно жданный „судъ“. Начальство держало участниковъ процесса по 3, по 4, по 5 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи подъ предлогомъ тѣсной внутренней и внѣшней связи между всѣми обвиняемыми, такъ что, будто бы, невозможно было судить однихъ ранѣе другихъ. Обвинительный актъ — довольно толстый томъ in folio — былъ общій для всѣхъ и назывался актомъ „по дѣлу о пропагандѣ въ Имперіи“. Первые два-три дня процесса всѣ 198 обвиняемыхъ; дѣйствительно, присутствовали въ залѣ суда всѣ вмѣстѣ. *) Но это продолжалось лишь пока длились формальности: первый опросъ обвиняемыхъ для удостовѣренія ихъ личности и признаютъ ли они себя виновными, чтеніе обвинительнаго акта и т. д. Затѣмъ насъ подѣлили на группы, каждую группу судили отдѣльно подъ предлогомъ, будто нельзя было найти достаточно большой залы для совмѣстнаго судбища, и двери суда закрыли для публики. Это крайне возмутило всѣхъ измученныхъ обвиняемыхъ. Притомъ же большинство смотрѣло на предстоящее „разбирательство“, какъ на почву для новой революціонной битвы съ самодержавіемъ и произволомъ: имѣлось въ виду изъ подсудимыхъ обратиться въ обвинителей существовавшаго порядка, въ чемъ,—нужно отдать ей справедливость,—защита поддерживала насъ сильно и блестяще. Этому плану раздѣленіе на группы и закрытіе дверей ставило препятствія. Были и другіе признаки, убѣждавшіе насъ въ томъ, что „особое присутствіе сената“ намѣрено разсматривать все дѣло исключительно, какъ вопросъ о личной судьбѣ каждаго изъ его участниковъ, къ которой оно готово даже отнестись со всевозможной мягкостью на условіи, чтобы дѣло не вызывало никакой сенсаціи въ обществѣ.

Этого мы не могли допустить. Болѣе половины обвиняемыхъ

*) Оставшихся въ живыхъ обвиняемыхъ ко дню открытія суда было 198. Но изъ нихъ пятеро (помню только двѣ фамиліи: Тетельманъ и Румянцевъ) умерли въ теченіи первыхъ же дней процесса. Вотъ почему онъ извѣстенъ подъ именемъ „процесса 193-хъ“.

отказались отъ какого-бы то ни было участія въ разбирательствѣ и отъ самаго присутствія въ залѣ суда—въ томъ разсчетѣ, что, какова бы ни была фальсификація правительствомъ судимой революціи, оно не сможетъ скрыть отъ общества того факта, что болѣе половины обвиняемыхъ было судимо и осуждено *заочно*. Конечно, Шишко былъ въ числѣ протестантовъ.

Участвовалъ онъ и въ другомъ протестѣ. Назначая осужденнымъ наказанія, „судъ“, естественно, соблюлъ извѣстныя градаціи. Это раздѣляло насъ въ глазахъ публики на болѣе и на менѣе рѣшительныхъ враговъ правительства и эксплуатаціи, иначе сказать—на болѣе и на менѣе преданныхъ и „опасныхъ“ сторонниковъ народныхъ правъ и революціи. Этого мы не могли оставить безъ протеста. Ввиду того, что практическая необходимость уединенія подсудимыхъ въ интересахъ слѣдственнаго производства уже кончилась, насъ выпускали въ крѣпости гулять компаніями въ девять человѣкъ. Пользуясь этимъ, мы сговорились, составили текстъ заявленія о томъ, что всѣ одинаково преданы революціи и враждебны произволу и эксплуатаціи, подписали его, заручились подписями товарищей (въ томъ числѣ женщинъ), сидѣвшихъ въ другихъ мѣстахъ, и отправили черезъ друзей заграницу съ просьбой опубликовать документъ *автографически*, что и было выполнено редакціей издававшейся тогда въ Швейцаріи „Общины“. Въ числѣ другихъ подъ заявленіемъ стояла и подпись Леонида *).

Въ іюлѣ 1878 года Леонида отправили на каторгу. Мы ѣхали цѣлой партіей, человѣкъ въ 10-15 подъ карауломъ жандармовъ. Трое—Союзовъ, Сажинъ и Шишко были закованы въ кандалы. Относительно первыхъ двухъ въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ они были „непривиллегированнаго званія“ (первый—крестьянинъ, второй — „купеческій сынъ“). Но Шишко былъ „дворянинъ“ и, по закону, оставался таковымъ до водворенія на каторгѣ въ томъ отношеніи, что не подлежалъ заковкѣ въ цѣпи. Когда мы остановились на дневку (если не ошибаюсь—въ Нижнемъ), партія потребовала къ себѣ представителя прокурорскаго надзора, указала ему на беззаконіе и потребовала снятія съ Леонида кандаловъ. Онъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло. Черезъ нѣсколько времени онъ

*) Ниже мы перепечатываемъ это заявленіе.

пришелъ опять и заявилъ, что, дѣйствительно, Шишко, какъ бывшій дворянинъ, заковкѣ не подлежитъ; но что всетаки снять съ него кандаловъ прокурорскій надзоръ не можетъ, ибо кандалы надѣты *по особому высочайшему повелѣнію*, которое онъ, товарищъ прокурора, самъ читалъ. Такъ были при этомъ случаѣ оффиціально удостовѣрены гуманность, просвѣщенный умъ и любовь къ законности Александра II-го, оказавшаго своему „подданному" — побѣжденному, обезоруженному и кротчайшему изъ смертныхъ—особое вниманіе.

Объ условіяхъ жизни Шишко на каторгѣ читатель найдетъ яркія черты въ его собственныхъ воспоминаніяхъ, помѣщаемыхъ въ настоящемъ-же томикѣ. Жизнь подъ властью Кононовича была, конечно, не тѣмъ специально-столыпинскимъ адомъ, какой нынѣшнее „конституціонное" правительство устроило для политическихъ каторжанъ. Но все-же это была жизнь подневольная, жизнь плѣнныхъ, съ тоской сознававшихъ безплодность своего существованія, когда на полѣ битвы за народное счастье каждый солдатъ былъ на счету,—жизнь людей, оторванныхъ отъ лично дорогихъ и близкихъ,—людей, поставленныхъ въ невозможность слышать біеніе народнаго пульса, заброшенныхъ въ глушь и дикость. Леониду же и его тогдашнимъ товарищамъ пришлось еще вынести особую, страшную тягость—возвращеніе, послѣ внѣтюремной жизни, опять въ стѣны тюрьмы—безъ всякаго съ ихъ стороны повода и вопреки закону — и самоубійство Семяновскаго, вызванное этою безсмысленною, ненужною и потому вдвойнѣ мучительною жестокостью!

Однако и этою трагедіей специальныя мученія Шишко на каторгѣ не окончились. Для него судьба уготовила нѣчто еще горшее: зрѣніе его все болѣе и болѣе ухудшалось, лѣчить глазъ было, конечно, некому; свѣтъ постепенно уходилъ изъ поля его зрѣнія, и каждый часъ, каждая минута завѣдомо приближали къ той поистинѣ ужасной грани, за которой для него лежалъ полный, непроглядный мракъ. „По словамъ Шишко, всѣ страданія, соединенныя съ заключеніемъ, какъ таковымъ, были ничто въ сравненіи съ тѣми, какія причиняла ему его ужасная болѣзнь... И все-же никогда не было съ его стороны и тѣни жалобы или озлобленія противъ тѣхъ, кто былъ причиною его несчастія. Коль скоро они причинили его неумышленно, то онъ и не ставилъ имъ этого на счетъ. Онъ могъ

быть гнѣвнымъ и взыскательнымъ по поводу несправедливостей, причиненныхъ другимъ, но не ему самому". *)

Въ 1882 году Леонидъ былъ, наконецъ, выпущенъ на поселеніе и водворенъ въ Читѣ. При обыкновенныхъ условіяхъ такая перемѣна дала бы ему возможность вздохнуть съ облегченіемъ. Но тяготѣвшее надъ этимъ кроткимъ человѣкомъ проклятіе прогрессирующей слѣпоты отравляло жизнь. Въ 1885 г. онъ уже не могъ читать и долженъ былъ изыскивать способъ писанія, не видя написанныхъ строкъ. Тѣмъ не менѣе и эта страшная несправедливость судьбы не наложила оттѣнка горечи и раздраженія на его милый, ясный, любящій характеръ и онъ, повидимому, продолжалъ свое общеніе съ людьми, оказывая на нихъ благодѣтельное вліяніе. Я не имѣю никакихъ свѣдѣній о читинской жизни Леонида. Но много позже я встрѣтилъ въ Сибири человѣка—бывшаго приказчика изъ Читы,— который обязанъ былъ Шишко частью не только своего политическаго развитія, но и того воодушевленія, той преданности освободительнымъ идеямъ, которыя побудили его отправиться на Дальній Востокъ съ цѣлью—помогать побѣгу политическихъ ссыльныхъ изъ Сибири. Я самъ многимъ обязанъ этому молодому человѣку въ дѣлѣ моего побѣга черезъ Японію.

За Читой послѣдовалъ Томскъ. Въ тѣ времена это былъ небольшой, но живой городъ, благодаря просвѣтительной дѣятельности П. Ив. Макушина и „Сибирской Газеты". Гимназисты старшихъ классовъ много читали и искали сближенія съ политическими ссыльными. „Съ общими, философскими вопросами," говоритъ А. А. Аргуновъ **) — въ то время одинъ изъ этихъ юношей — „мы шли къ Л. Э. Шишко. Бесѣды съ нимъ оставили едвали не самый глубокій слѣдъ въ нашемъ самообразованіи. Мягкій, вдумчивый, вѣчно занятый какимъ нибудь вопросомъ въ области философіи, соціологіи (особенно всплывавшимъ тогда и становившимся понемногу „острымъ" — вопросомъ объ „экономическомъ факторѣ"), онъ умѣлъ всегда заинтересовать постановкой вопроса, дать толчекъ къ самостоятельной критикѣ, а главное—къ отыскиванію „упоровъ" для программы,—общефилософскихъ основъ".

*) Указнаная уже статья Степняка - Кравчинскаго въ ноябрскомъ № Free Russia 1891 г.

**) „Изъ прошлаго Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ". *Былое*, № 10, 1907 г., стр. 97.

Осенью 1890 года Шишко рѣшается на побѣгъ и прибываетъ „безъ приключеній" въ Западную Европу.

II.

Съ переселеніемъ изъ Азіи въ Европу совершился огромный переломъ въ жизни и дѣятельности Шишко.

Прежде всего — относительно здоровья.

Парижскіе окулисты настолько возстановили его зрѣніе, что онъ могъ читать и писать. Это, конечно, улучшило его психическое самочувствіе, которое, въ свою очередь, благотворно вліяло на общее состояніе здоровья. Его терпѣніе и методичность также сослужили ему огромную службу. Желудокъ и кишки отказывались работать. Онъ напалъ на мысль о необходимости массажа брюшной области и производилъ его самъ ежедневно. Это ему помогло.

По новому сложилась и вся его личная жизнь. Заграницей онъ встрѣтилъ семейство Кончевскихъ, которое приняло его въ свою среду, какъ дорогого, любимаго члена. Надежда Владиміровна Кончевская окружила его хрупкую личность истинно-женской, незамѣнимой заботливостью и сдѣлала возможнымъ тотъ уходъ за здоровьемъ, безъ котораго онъ покинулъ бы насъ гораздо раньше и едвали бы могъ сдѣлать все то, что онъ сдѣлалъ. Тотчасъ по прибытіи въ Парижъ Шишко останавливается у своего стараго друга и товарища по процессу 193-хъ, Д. А. Аитова. Но уже въ апрѣлѣ 1891 г. переселяется въ Севръ, въ семейство Кончевскихъ, съ которыми затѣмъ, если и разстается, то только временно и ненадолго.

Въ нѣкоторыхъ взглядахъ Шишко произошелъ, равнымъ образомъ, радикальный переворотъ. Онъ ушелъ на каторгу мирнымъ пропагандистомъ. За время его пребыванія въ Сибири русскіе революціонеры включили въ свою тактику „терроръ". Но Шишко оставался на прежней почвѣ. Въ 1885 г. Кравчинскій получилъ отъ него съ Кары письмо, въ которомъ Леонидъ „выражалъ удивленіе и недоумѣніе по поводу аггрессивной тактики, въ то время усвоенной Партіей Народной Воли. Согласно этому письму, наше дѣло было — жертвовать собой и погибать въ попыткѣ внушить народу какую либо новую истину, подобно тому, какъ погибаютъ дрожжи, произведя броженіе". *) Такимъ же онъ оставался и въ началѣ второго періода своей жизни. Но затѣмъ его взглядъ мѣняется и Шишко уже выступаетъ убѣжденнымъ террористомъ. Когда, въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ ужасовъ провокаціи, практиковавшейся на террористическомъ поприщѣ, Жоресъ, какъ и многіе русскіе, теряетъ вѣру въ дѣйствительность террористическаго метода борьбы, Леонидъ пишетъ ему отвѣтъ, который читатель найдетъ въ этомъ же томикѣ.

Измѣняется и характеръ его практической дѣятельности. Пропаганда въ прежнихъ формахъ и размѣрахъ становится невозможною заграницей и вотъ Леонидъ пробуетъ писать. Единственнымъ опытомъ писательства въ первый періодъ его жизни была, какъ уже сказано, листовка, начинавшаяся словами: „Чтой-то, братцы, какъ тяжело живется на свѣтѣ"!.. Это была агитаціонная вещица, не выходившая изъ самыхъ общихъ идей народолюбества и соціализма и старавшаяся пробудить въ рабочемъ или крестьянинѣ мысль о его собственной судьбѣ и о томъ, чѣмъ бы эта судьба могла быть при справедливыхъ порядкахъ. Хотя листовка и имѣла успѣхъ, но никто не смотрѣлъ на нее, какъ на первый шагъ литературнаго таланта. „Онъ не писатель", говоритъ Степнякъ въ упомянутой уже не разъ англійской статьѣ, „но разъ какъ-то забившая черезъ край страсть вылилась изъ него въ видѣ короткой прокламаціи, обращенной къ народу, и, быть можетъ, именно потому, что онъ не писатель, оказалось мастерскимъ произведеніемъ... Это — листовка всего въ четыре страницы; но революціонная литература не содержитъ въ себѣ ничего болѣе совершеннаго, ибо это — живая рѣчь живого человѣка, которую автору удалось положить на бумагу со всею ея простотой, неправильностями и естественнымъ одушевленіемъ."

Теперь мы знаемъ, что Степнякъ ошибся: Шишко, несомнѣнно, былъ прирожденный писатель. Но ни ранѣе, ни въ то время, когда писалась эта характеристика (1891 годъ), самъ авторъ не подозрѣвалъ существованія въ себѣ литературнаго таланта. Иначе онъ сталъ бы давно пробовать свое перо. Въ 1891 г. основано было въ Лондонѣ революціонно-

*) «Free Russia» November, 1891.

издательское учрежденіе „Фондъ Вольной Русской Прессы." Шишко былъ однимъ изъ основателей и пяти членовъ его комитета. Однако въ теченіи цѣлыхъ восьми лѣтъ Шишко не предложилъ Фонду ни одной собственной рукописи, хотя и участвовалъ въ оцѣнкѣ чужихъ работъ. Только въ апрѣлѣ и затѣмъ въ августѣ 1899 года помѣстилъ онъ въ издававшихся Фондомъ (тогда уже — седьмой годъ) „Летучихъ Листкахъ" двѣ интересныя статьи: „Къ вопросу о задачахъ русской революціонной партіи" и „Подпольная Россія". (Обѣ подъ псевдонимомъ „Чемизовъ"). Этимъ его авторское участіе въ дѣятельности „Фонда" и ограничилось.

Первоначально Шишко взялся за перо по необходимости: ему надо было чѣмъ нибудь существовать. Н. Вл. Кончевская въ это время работала надъ переводами для русскихъ издательскихъ фирмъ. Съ 1891 года Леонидъ раздѣлилъ съ нею эти труды. Затѣмъ у Надежды Владиміровны начинаются жестокія хроническія головныя боли и заболѣваютъ глаза. Вся переводная работа ложится исключительно на плечи Леонида, хотя на книгахъ попрежнему выставляется (въ виду издательскихъ удобствъ) имя Кончевской. Въ девяностыхъ годахъ работа эта отнимала у него много времени и силъ. *) Несмотря на то, что его плохое пищевареніе требовало побольше моціона и поменѣе сидѣнья, онъ корпѣлъ за работой съ утра до ночи, день за днемъ. Проработавъ такъ три дня въ недѣлю, онъ на четвертый давалъ себѣ „отдыхъ", который заключался, опять-таки... въ работѣ: онъ трудился надъ своими „Разсказами изъ Русской Исторіи!"

Но и на этого рода трудъ толкнула его, опять-таки, не страсть къ писательству и не сознаніе своихъ литературныхъ силъ, а убѣжденіе въ существованіи насущной потребности въ популярной народной литературѣ и прямой запросъ на рукописи этого рода, предъявленный образовавшейся въ то время революціонной организацией — „Аграрно-Соціалистической Лигой". Вотъ какъ это случилось.

Переселеніе Шишко въ Европу произошло въ одинъ изъ самыхъ глухихъ періодовъ русской общественной жизни. Свинцовая, слонообразная фигура Александра III-го усѣлась на ней вплотную и подавляла всякіе признаки общественности и идейности. Тѣ элементы населенія, изъ которыхъ русская революція до тѣхъ поръ обычно черпала свои силы, еще не оправились отъ разгрома „Народной Воли", а главное — отъ потери вѣры въ ея разсчетахъ на народныя массы, которыя не поддержали ея въ моментъ страшнаго удара, нанесеннаго ею самодержавію. „Священный огонь революціи" поддерживался только соціалдемократами съ одной стороны (въ Россіи и заграницей), Н. К. Михайловскимъ съ его сотрудниками-народниками съ другой, горстью „старыхъ народовольцевъ", издававшихъ „Матерьялы по исторіи русск. рев. движенія" да „Съ родины и на родину"; а также нѣсколькими „непримиримыми" всѣхъ оттѣнковъ, частью разбросанными единицами по Европѣ, какъ Кропоткинъ, а частью сгруппировавшимися въ 1891 году въ безпартійный „Фондъ Вольной Русской Прессы" въ Лондонѣ для революціоннаго издательства и распространенія литературы. Заслуги всѣхъ этихъ дѣятелей огромны и принесенная ими польза движенію — несомнѣнна. Но соціалдемократы, исходя изъ западныхъ представленій о западномъ крестьянствѣ, игнорировали и русское крестьянство, или относились къ нему отрицательно, какъ къ „землевладѣльческому" и реакціонному классу. Михайловскій со своею фалангой, отлично понимая ошибочность этого отношенія и ставя вопросъ на вѣрную почву, все-же оставлялъ самое крестьянство безъ непосредственнаго на него воздѣйствія — просто потому, что это было не его дѣло: ни онъ, ни его сподвижники не были популяризаторами въ этомъ смыслѣ слова, не могли писать для полуграмотнаго мужика и еще тѣмъ менѣе были способны нелегально распространять литературу въ массахъ. Кропоткинъ ушелъ цѣликомъ въ анархизмъ и писалъ пофранцузски. Лавровъ хотя писалъ порусски, но, конечно, не для массы. Кравчинскій работалъ надъ пропагандированіемъ русской революціи и дискредитированіемъ царскаго абсолютизма среди иностранцевъ. Дѣятельность „Фонда" была, правда, разсчитана на *русскую* публику; впослѣдствіи я узналъ, что его „Летучіе Листки" и нѣкоторыя брошюры проникали въ рабочую среду, наприм., — на уральскіе заводы, въ Тамбовскую губернію, но все-же для *крестьянства* и „Фондъ" не сдѣлалъ ничего.

*) Въ 1893 году къ этой работѣ присоединяется и другая: Элизэ Реклю приглашаетъ его въ свои помощники по подготовкѣ матеріала для научныхъ работъ и Леонидъ раздѣляетъ эти обязанности съ Н. В. Кончевской, уже ранѣе бывшей секретаремъ Реклю.

Такимъ образомъ въ девяностыхъ годахъ нужда въ народной литературѣ самаго элементарнаго типа чувствовалась очень сильно и вполнѣ сознавалась нѣкоторыми представителями новыхъ революціонныхъ поколѣній, впослѣдствіи вошедшими въ Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ. Таковы, напримѣръ, были появившіеся въ Парижѣ въ концѣ десятилѣтія Викторъ Михайловичъ и Настасья Николаевна Черновы; тамъ-же проживалъ давно уже Семенъ Раппопортъ; въ Швейцаріи — Х. и В. Житловскіе. Все это были очень талантливые люди, проникнутые особымъ тяготѣніемъ къ работѣ въ трудовой средѣ, особенно среди крестьянства. Съ 1899 года эти новые элементы стали усиленно искать сближенія со „стариками" на почвѣ созданія народной литературы. Леонидъ ухватился за это начинаніе съ особымъ одушевленіемъ. Оно и понятно: вопервыхъ предложеніе шло отъ молодежи, въ которую онъ всегда вѣрилъ, которая представляла „надежду Россіи"; *) вовторыхъ, изъ всѣхъ возможныхъ отраслей революціонной дѣятельности оно затрагивало ту, которая издавна была всего ближе сердцу Леонида — пропаганду среди трудящихся массъ.

Я очень хорошо помню то первое собраніе „молодыхъ" и „стариковъ", въ которомъ мнѣ пришлось участвовать. Иные изъ присутствовавшихъ въ первый разъ въ жизни видѣли другъ друга. Въ ожиданіи открытія засѣданія иные слонялись по двумъ пустыннымъ комнатамъ, почти лишеннымъ мебели, по русскому обыкновенію нѣсколько дичась другъ друга. Но вотъ подошли запоздавшіе, всѣ размѣстились вокругъ простого стола и Викторъ (Черновъ) сталъ читать рукопись: „Какъ министръ заботится о крестьянахъ", привезенную имъ изъ Россіи и принадлежавшую, какъ я узналъ впослѣдствіи, перу Ст. Н. Слетова. Сразу стало ясно, что люди собрались „настоящіе", что они намѣрены дѣлать серіозное дѣло и что изъ ихъ начинанія будетъ толкъ. По окончаніи чтенія наступило общее молчаніе: никто не рѣшался заговорить первымъ или не находилъ, что именно сказать. Рукопись, представлявшая очень умѣлый разборъ горемыкинскаго циркуляра о крестьянахъ, мнѣ очень понравилась, хотя, по

*) Историческое значеніе русской интеллигентной молодежи очень обстоятельно и полно изложено имъ въ упомянутой выше статьѣ: „Подпольная Россія".

моему, въ ней и были недостатки, легко устранимые, впрочемъ. Главнымъ, по моему, была наклонность автора — общая всѣмъ молодымъ писателямъ — впереть въ первое свое произведеніе по возможности все, что есть за душой. Это нарушило стройность и цѣльность развитія основной темы. Поэтому я предлагалъ извѣстныя части рукописи, не относившіяся непосредственно и неизбѣжно къ главному ея предмету, изъ нея исключить и обработать въ особую брошюру. Все это я тутъ же высказалъ.

Нужно было видѣть, какъ вскинулся на меня Леонидъ. Онъ покраснѣлъ, заторопился и сталъ заикаться: „Такъ нельзя критиковать!" восклицалъ онъ: „ты навязываешь автору свои методы!.." и т. д. и т. д.

Это было очень характерно для Леонида. Никому я ничего не навязывалъ. Критика моя была вполнѣ доброжелательна (что, какъ явно было тогда же, оцѣнили присутствовавшіе), дѣлалъ я ее по крайнему моему разумѣнію и, какъ мнѣ казалось, — въ интересахъ дѣла и талантливаго, но еще неопытнаго писателя. Но штука была въ томъ, что я, такъ сказать, грубыми руками коснулся такого нѣжнаго цвѣтка, какъ революціонное молодое поколѣніе Россіи, — цвѣтка, на который самъ Леонидъ надышаться не могъ и который онъ, въ страстной къ нему любви своей, готовъ былъ оберегать грудью отъ всякаго, недостаточно, по его мнѣнію, мягкаго прикосновенія.

Описанное совѣщаніе настолько сблизило между собою его участниковъ, что въ февралѣ 1900 года оказалось уже возможнымъ сформированіе Лиги. Какъ извѣстно, 14 февраля были похороны П. Л. Лаврова и по этому поводу съѣхалось въ Парижъ много русскихъ революціонеровъ съ разныхъ концовъ земли. Опять начались совѣщанія заинтересованныхъ въ созданіи революціонной литературы для крестьянства. Обсуждена была брошюра „Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи", представлявшая символъ вѣры и задачи дѣятельности новой организаціи, и самая эта организація — „Аграрно-Соціалистическая Лига" — была формально и фактически основана. Избранъ былъ комитетъ для оцѣнки, редактированія рукописей и, кажется, для администраціи вообще. Шишко вошелъ въ число редакторовъ, а, м. б., и администраторовъ.

Изъ воспоминаній Леонида о временахъ его работы среди рабочихъ, какъ члена кружка чайковцевъ *), видно, что мысль объ агитаціонномъ значеніи ознакомленія русскихъ массъ съ родной исторіей занимала его еще тогда. Онъ примѣнилъ ее на практикѣ въ формѣ устныхъ бесѣдъ съ рабочими, причемъ „огромную помощь“ ему „оказала книжка Худякова «Древняя Русь».

Уже по пріѣздѣ заграницу, Шишко говорилъ мнѣ не разъ о томъ, какую богатую и дѣйствительную почву для развитія и поясненія революціонныхъ идей и чувствъ представляетъ надлежащимъ образомъ освѣщенная русская исторія. „Вѣдь это ужасно“, замѣчалъ онъ: „народъ не знаетъ своего прошлаго; а нечего дать — всѣ наши историческія книги оцѣниваютъ событія не съ точки зрѣнія трудящихся массъ, и во всякомъ случаѣ не для нихъ написаны: слишкомъ мудрены...“ На одномъ изъ первыхъ собраній инициаторовъ Лиги я напомнилъ Леониду объ этомъ и подчеркнулъ, что теперь его мысль получаетъ практическую почву для своего осуществленія и что ему слѣдуетъ взяться за работу. Онъ за нее взялся (по счастью и матеріальное положеніе его въ 1900 году настолько улучшилось, что онъ могъ почти все свое время отдать тенденціозной работѣ) и осуществилъ свой планъ блестяще.

Основаніе Лиги и поступленіе въ ея редакцію и администрацію были лишь введеніемъ Шишко въ болѣе широкій кругъ дѣятельности. Лига изготовляла прекрасныя книжки, но у нея не было собственнаго механизма для ихъ распространенія въ Россіи. А такъ какъ направленіе ея изданій было соціалъ-революціонное, и всѣ почти болѣе молодые ея члены принадлежали къ формировавшейся тогда Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, то съ обѣихъ сторонъ возникло стремленіе къ сближенію. Со стороны „молодыхъ“ оно было сильнѣе и желало полнаго слiянія. Въ этомъ смыслѣ писалъ изъ Россіи Гершуни, а Житловскій высказался на первомъ же съѣздѣ Лиги въ іюлѣ 1902 г. въ Женевѣ въ томъ смыслѣ, что-де Лигѣ незачѣмъ долѣе существовать: ее надо прикрыть, а членамъ ея вступить въ Партію. Это предложеніе вызвало страстную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ стариковъ и одного

*) „Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ“, „Русское Богатство“ 1906 г. Октябрь, стр. 72-73.

изъ болѣе молодыхъ (С. Раппопорта), главнымъ образомъ потому, что, по уставу Лиги, въ нее принимались участники всѣхъ партій, если только они стремились работать въ крестьянствѣ на пользу соціализма. Шишко былъ за возможно тѣсное сліяніе.

Въ работахъ съѣзда Леонидъ принималъ самое дѣятельное участіе. Онъ прочелъ на немъ два доклада: 1) „Крестьянское движеніе и земельный вопросъ“, и 2) „Крестьянское движеніе и политическій переворотъ“. При его ближайшемъ участіи была выработана „Программа революціонной работы въ крестьянствѣ“. (Рев. Россія, № 12, октябрь 1902 г.).

Между обѣими организаціями заключенъ былъ федеративный договоръ, подвергшійся нѣкоторому измѣненію на первомъ съѣздѣ Лиги и въ окончательной формѣ опубликованный въ № 9-мъ „Революціонной Россіи“ (въ іюлѣ 1902 г.). По этому договору обѣ стороны, сохраняя полную внутреннюю самостоятельность, отдѣльность кассъ и право вступать въ ту или другую связь съ другими организаціями, не противорѣчащими, по своей дѣятельности, цѣлямъ договаривающихся сторонъ, предприняли совмѣстное изданіе и распространеніе популярныхъ брошюръ и книгъ для крестьянъ и рабочихъ, что, впрочемъ, не лишало ни ту, ни другую сторону права издавать литературу и помимо союзной организаціи. Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ обязывалась участвовать деньгами въ совмѣстной издательской дѣятельности и брала на себя всѣ расходы и всѣ хлопоты по транспорту и распространенію изданій Лиги.

Совмѣстная работа обѣихъ организацій шла очень хорошо и то, чего нетерпѣливый Житловскій напрасно хотѣлъ достичь крутымъ и чисто формальнымъ путемъ, совершилось съ теченіемъ времени само собою подъ вліяніемъ естественнаго сближенія между личнымъ составомъ обѣихъ организацій. Узнавая другъ друга на почвѣ совмѣстной практической работы, неизбѣжно переплетая дѣятельность Лиги съ дѣятельностью Партіи, старики начали, не покидая Лиги, становиться членами Партіи. Изъ нихъ Шишко едва ли не былъ первымъ по времени.

Для Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ его вступленіе въ ея ряды было вдвойнѣ цѣнно. Партія только-что народилась, состояла, въ огромномъ большинствѣ, изъ малоизвѣстныхъ

еще, молодыхъ силъ; нѣкоторыя юношески-романтическія мелочи въ ея дѣятельности производили на искушенныхъ жизнью людей впечатлѣніе театральности и заставляли принимать выжидательное къ ней отношеніе. Присоединеніе къ ней такого почтеннаго и заслуженнаго революціоннаго имени, какъ имя Леонида Шишко, поднимало ея престижъ, который еще болѣе укрѣплялся въ сознаніи тѣхъ, кто имѣлъ случай лично познакомиться съ ветераномъ. Но кромѣ этой, чисто внѣшней выгоды, Партія пріобрѣтала въ немъ крупную дѣятельную силу. Это было отлично понято молодыми лидерами Партіи и Шишко тотчасъ же запрягли во всевозможные комитеты и комиссіи, гдѣ требовался „мужъ совѣта", человѣкъ съ большимъ моральнымъ вѣсомъ и яснымъ, философски-обоснованнымъ революціоннымъ міросозерцаніемъ. Онъ былъ сдѣланъ членомъ триединой редакціи „Революціонной Россіи", членомъ редакціи „Народнаго Дѣла" (популярнаго органа Партіи), членомъ редакціи „Былого" (одно время — №№ 3, 4 и 5 1903-1904 г. — издававшагося В. Бурцевымъ совмѣстно съ Партіей), членомъ Заграничнаго Комитета, въ рукахъ котораго довольно долгое время сосредоточены были нѣкоторые функціи Центральнаго Комитета и сверхъ того Л. Э. посадили во множество частныхъ комиссій.

Леонидъ зажилъ полною партійною жизнью.

Ассимиляціи Леонида Партіей способствовали нѣкоторыя спеціальныя черты его характера. Онѣ слѣдующимъ образомъ очерчены Ст. Н. Слетовымъ: „Подкупала въ этомъ старзкѣ его способность къ эволюціи взглядовъ. Оставаясь вѣрнымъ принципамъ міросозерцанія 70-хъ годовъ, онъ обнаруживалъ значительную гибкость въ вопросахъ тактики и организаціи. Не пугала его и новая терминологія, отпугивавшая столькихъ стариковъ и навлекавшая на молодыхъ эс-эровъ обвиненіе въ излишней склонности къ марксизму. Нерѣдко, спустя нѣсколько дней послѣ ожесточеннаго спора о какой либо частности, Леонидъ Эммануиловичъ вдругъ вспоминалъ о ней и признавался, что былъ неправъ. Помню, напримѣръ, какое впечатлѣніе произвела на него брошюра Ленина „Что дѣлать?" Онъ увидѣлъ въ ней цѣлый переворотъ въ марксизмѣ и выражалъ увѣренность, что эта брошюрка станетъ чѣмъ то вродѣ евангелія у молодежи. Я горячо спорилъ съ нимъ, доказывая, что для насъ — с.-р., въ книжкѣ нѣтъ никакого откровенія; что, конечно, для с.-д. это шагъ впередъ, но шагъ далеко не рѣшительный, заторможенный рядомъ оговорокъ и отговорокъ. Л. Э. не соглашался, но черезъ нѣсколько дней заявилъ, что перечелъ эту книжку и убѣдился, что первое впечатлѣніе было черезчуръ оптимистичное."

Другою чертою, способствовавшею выработкѣ изъ Леонида настоящаго (въ лучшемъ смыслѣ) партійнаго человѣка, было его серіозное, можно сказать, ревнивое отношеніе къ „дѣлу". Я уже не разъ упоминалъ о замѣчательной уравновѣшенности, невоинственности и доброжелательной мягкости Шишко. Черты эти были въ немъ настолько выдающимися, что въ кругу близкихъ ему эс-эровъ за нимъ утвердилось прозвище царя Алексѣя Михайловича—„Тишайшій". Тѣмъ не менѣе, когда при немъ неосторожно или недобросовѣстно задѣвали дорогія ему идеи, онъ волновался и горячился. Слетовъ приводитъ слѣдующую характерную сцену, разыгравшуюся на одномъ изъ женевск. рефератовъ Референтъ—с.-д.—сталъ издѣваться надъ народническими „предразсудками". Въ числѣ слушателей былъ и Л. Э. На его щекахъ показались красныя пятна (это всегда служило у него признакомъ сильнаго волненія—„Л. Э. выкидывалъ красные флаги", какъ шутилъ А. Н. Бахъ). Онъ подошелъ къ предсѣдательскому столу и, не прося слова, сталъ своимъ тихимъ голосомъ горячо доказывать оратору недопустимость передержекъ и инсинуацій". Извѣстно также, что Шишко долгое время поддерживалъ тѣсное знакомство съ Г. В. Плехановымъ и его семьей. Однако, когда „Искра", въ редакціи коей Плехановъ принималъ участіе, начала свой извѣстный походъ противъ Боевой Организаціи, Л. Э. послалъ Плеханову письмо съ указаніемъ на неудобство для нихъ обоихъ встрѣчаться даже на почвѣ простого знакомства.

Для человѣка иного внутренняго склада всѣ тѣ безчисленныя и безконечныя комиссіонныя, комитетскія, редакціонныя совѣщанія, неизбѣжно связанныя съ его положеніемъ въ Партіи, оказались бы невыносимымъ бременемъ. Но Шишко посѣщалъ ихъ неукоснительно и несъ сопряженныя съ ними обязанности съ необыкновенной добросовѣстностью, — всегда уравновѣшенный и съ одинаково привѣтливымъ лицомъ. Онъ былъ человѣкомъ методичнымъ и нѣсколько медлительнымъ

по самой натурѣ своей. Поэтому затяжной характеръ всѣхъ русскихъ совѣщаній могъ утомить его физически, но не психически. Кромѣ того, онъ былъ настоящій великороссъ. Существуетъ такой народный украинскій анекдотъ. Крестьяне какого то великорусскаго села въ складчину купили для своей церкви новое евангеліе. Вышелъ дьяконъ съ новымъ евангеліемъ на средину церкви читать въ первый разъ и возгласилъ: — „Отъ Луки святаго евангелія чте-еніе!"

Прихожане его остановили: „Что-жъ ты читаешь отъ Луки! Ты читай отъ обчества..."

При всемъ явномъ шаржѣ своемъ анекдотъ этотъ очень вѣрно подчеркиваетъ яркую черту народнаго великорусскаго характера дѣлать все „обчествомъ" и „отъ обчества", а равно шутливое отношеніе къ ней болѣе индивидуалистичныхъ украинцевъ.

Черта эта была очень сильна въ Шишко. Какая бы мысль, какой бы планъ ни пришли ему въ голову — хотя бы для выполненія таковыхъ ему не нужно было ничьей помощи,—но если только они были общественнаго характера — онъ отдавалъ ихъ на всеобщее обсужденіе и съ интересомъ ждалъ „мірского" приговора.

На совѣщаніяхъ онъ больше слушалъ и молча подавалъ голосъ; говорилъ онъ только тогда, если вносилъ предложеніе, или если никто иной не выставилъ аргументовъ, казавшихся ему существенными, или если его задѣвала за живое серіозность предмета и опасеніе, что высказанныя мнѣнія могутъ толкнуть присутствующихъ на ложную дорогу. Такъ, онъ съ большимъ увлеченіемъ выступалъ противъ аграрнаго и вообще экономическаго „террора", въ то время, когда уже былъ убѣжденнымъ приверженцемъ „террора" политическаго.

Участіе Леонида въ редакціи „Революціонной Россіи" постороннему наблюдателю должно было казаться едва замѣтнымъ. За все время онъ далъ всего три большія статьи для нея. Но онъ внимательно просматривалъ все, готовившееся для очередного номера, и всегда старался предотвратить возможные промахи. Такъ, напр., когда въ Женевѣ получилась телеграмма объ убійствѣ Бобрикова Шауманомъ, нами всѣми это извѣстіе было принято, какъ начало политическаго террора въ Финляндіи. Въ этомъ смыслѣ была составлена статейка для выпускавшагося № „Рев. Россіи". Одинъ Леонидъ

отнесся съ осторожностью къ факту, на основаніи уже телеграфнаго извѣстія усмотрѣвъ въ актѣ Шаумана своеобразный способъ „подачи прошенія на высочайшее имя". — Онъ настоялъ на большей сдержанности въ заявленіи по этому дѣлу. Дѣйствительно, дальнѣйшее показало, что онъ былъ правъ, — письмо Шаумана къ царю, опубликованное вскорѣ, цѣликомъ подтвердило его взглядъ.

Въ августѣ 1904 года Шишко, съ другими товарищами, представлялъ Партію Соц.-Революціонеровъ на Амстердамскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ.

Эта оффиціальная, такъ сказать, сторона партійной дѣятельности Шишко отнюдь не даетъ полнаго понятія ни о размѣрахъ силъ, которыя онъ затрачивалъ въ интересахъ движенія, ни о предѣлахъ его вліянія въ Партіи.

Слѣдующая выписка изъ письма Леонида отъ 16 янв. 1905 г. къ Е. К. Брешковской, бывшей въ то время въ Америкѣ, дастъ читателю нѣкоторое понятіе о его вѣчныхъ думахъ и заботахъ о движеніи:

„Что тебѣ написать о дѣлахъ? Самое важное—крестьянскій вопросъ. Нашъ планъ такой: чтобы добиться выступленія крестьянскихъ массъ съ ихъ требованіями въ приближающійся политическій кризисъ, надо, съ одной стороны, собрать воедино, сорганизовать по возможности всѣ уже имѣющіеся сознательные элементы въ крестьянствѣ и выработать совмѣстно съ ними планъ этого выступленія крестьянства на политич. сцену; этого надо достигнуть путемъ объѣздовъ и личныхъ переговоровъ. Съ другой стороны, надо подготовить общее настроеніе; для этого усилить печатную пропаганду, наводнить листовками извѣстные районы. Это вполнѣ достижимо, если будутъ типографіи внутри и если будетъ хорошій транспортъ. Типографіи уже имѣются во многихъ мѣстахъ; транспортъ тоже начинаетъ намъ улыбаться: только что получено извѣстіе, что *большіе транспорты* начали дѣйствовать и первые грузы прошли благополучно. Это очень важно. Кромѣ того я предлагаю ассигновать нѣкоторую сумму на спеціальную разсылку по деревнямъ людей изъ городовъ, преимущественно сознательныхъ рабочихъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ листовокъ, въ опредѣленные районы, для распространенія, а также и для личнаго воздѣйствія".

Далѣе слѣдуетъ подробная денежная смѣта на посылку такихъ людей.

Леонидъ дѣлалъ все возможное, чтобы быть въ курсѣ событій. „Не было болѣе требовательнаго человѣка, какъ онъ, по части разсказовъ о томъ, какъ обстоятъ дѣла,—говоритъ А. Аргуновъ.—и легче, чѣмъ кому либо, и охотнѣе разсказывалось именно ему, ибо чувствовалась въ его требовательности кровная заинтересованность, желаніе знать все не для одной освѣдомленности“.

„Видѣлъ я недавно одного хорошаго работника среди крестьянъ, изъ Саратовской губерніи,—пишетъ Леонидъ въ одномъ частномъ письмѣ къ товарищамъ.—Онъ очень преданный Партіи человѣкъ и скорѣе недоумѣвалъ, чѣмъ жаловался на то, почему крестьянское дѣло находится теперь въ нѣкоторомъ забросѣ въ городскомъ комитетѣ? Почему сознательные крестьяне стоятъ въ сторонѣ отъ всякаго участія въ организаціонныхъ дѣлахъ — даже, напримѣръ, въ посылкѣ депутатовъ на съѣздъ? Въ связи съ этимъ изъ его разсказовъ выясняется большая замкнутость мѣстнаго крестьянскаго движенія въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Не имѣю, конечно, данныхъ обобщать этого на другія мѣста, но этому отдѣльному факту нельзя не вѣрить, зная огромную добросовѣстность и преданность Партіи человѣка, передававшаго свои впечатлѣнія“.

Такихъ свиданій, такихъ разговоровъ съ людьми „съ мѣстъ“ Леонидъ имѣлъ множество и искалъ жадно, ибо они поддерживали въ немъ связь съ пульсомъ страны. „Живу смутно, смутными впечатлѣніями о русскихъ дѣлахъ. Иногда кажется, что дѣло (революціонное) затягивается, не можетъ переступить достигнутой черты и тогда дѣлается скучно“... пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ уже цитированнаго письма. И далѣе: „Начинаю я бояться, что кадеты съ частью трудовиковъ и при поддержкѣ правыхъ затянутъ Думу въ разсмотрѣніе бюджета и признаютъ необходимымъ его утвержденіе. Что тогда дѣлать нашимъ? Какъ бы хотѣлось снова быть въ кругу товарищей и снова жить общею мыслью и общими впечатлѣніями. Трудное теперь время. *) Давно уже нѣтъ признаковъ массовой поддержки движенія, и Партіи приходится жить своими кадрами въ такихъ обстоятельствахъ, когда надо чувствовать за собой силу. Трудно намъ мириться съ положеніемъ крайняго меньшинства, провозглашающаго отдаленныя утопіи. Положеніе критическое; правительство держится наступательной тактики и если не получитъ отпора, то, значитъ, окажется сильнѣе, и тогда кадеты живо пойдутъ на всѣ уступки... ...Но этого не можетъ быть; будемъ надѣяться на низы, на стихійный взрывъ народныхъ массъ, ибо теперь требуется именно стихійный взрывъ, подготовленный распространившимся широко сознаніемъ. Мнѣ этотъ стихійный взрывъ рисуется въ видѣ неудержимаго движенія крестьянскихъ массъ — въ города, къ столицамъ, которое замѣнитъ, наконецъ, собою безплодную форму волненій на мѣстахъ... Но это уже область мечтаній“.

*) Писано въ 1907 году.

Въ другомъ, болѣе позднемъ письмѣ (отъ 22 ноября 1907 г.) — къ М. А. Натансону — Леонидъ опять разбираетъ современную политическую ситуацію: „Что то будетъ, что то будетъ впереди у насъ? Теперь все уперлось въ какой то тупикъ. До сихъ поръ главной нашей задачей было пробужденіе массъ; теперь массы пробуждены и не двигаются въ достаточной степени; накопленныя массовыя и партійныя силы теряются мало-по-малу, въ разбивку. Между тѣмъ здѣсь уже кончается наша задача; мы не въ силахъ вдохнуть въ массы уже достигнутую степень массоваго сознанія и ждать, когда явится въ массахъ нужная энергія. Главная задача теперь удержать свои позиціи. Я думаю, что при настоящихъ условіяхъ мы уже не въ силахъ двигаться впередъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, справятся ли со своимъ положеніемъ рабочія массы. Мнѣ кажется, что теперь невозможно обвинять Партію въ бездѣятельности или въ безсиліи, она остановилась на такой точкѣ, когда инпціатива должна перейти къ массамъ; таковы размѣры того движенія, которое можетъ имѣть какое нибудь рѣшающее значеніе“.

Та-же мысль — и съ еще большей настойчивостью — повторяется въ другомъ письмѣ Шишко, отъ 25 ноября 1907 года — къ Ст. Н. Слетову: „Тяжко, конечно, переживать всѣ ужасы этой задержки и видѣть ликующія морды октябристовъ, но горечь этого все же облегчается сознаніемъ того, что вину этой задержки нельзя приписать бездѣйствію или безсилію Партіи“.

Шишко велъ обширную переписку—и съ главарями Партіи,

и съ рядовыми ея работниками, и съ зеленою молодежью, и съ цѣлыми организаціями. И вотъ, если принять во вниманіе, что большая доля этой корреспонденціи посвящена имъ либо практическимъ указаніямъ на тѣ или другія, необходимыя по его мнѣнію, партійныя мѣры, либо освѣщенію общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Россіи, подобно приведеннымъ образчикамъ, либо выясненію принципіальныхъ вопросовъ, то употребленная мною ранѣе фраза о томъ, что со времени присоединенія къ Партіи „Шишко зажилъ полной партійной жизнью“ одѣнется плотью и кровью: а съ другой стороны мы получимъ болѣе вразумительный намекъ на обширность и благодѣтельность вліянія въ Партіи этого скромнаго, часто, на первый взглядъ, какъ будто незамѣтнаго человѣка.

III.

Съ провозглашеніемъ „свободъ“ и амнистіи еще разъ радикально мѣняются для Шишко условія работы на пользу освободительнаго движенія. Въ Россіи возникаютъ новыя перспективы и возможности: „заграница“, какъ единственная безопасная почва для вольнаго типографскаго станка, и вообще, какъ своего рода база для освободительнаго движенія, теряетъ значеніе: вся дѣятельность сосредоточивается въ Россіи. Революція выходитъ изъ подполья и, подъ именемъ „явочнаго порядка“, овладѣваетъ русскою жизнью, — не надолго, правда; но *тогда* казалось невѣроятнымъ, чтобы побѣда была кратковременною.

Шишко очутился въ трагическомъ положеніи птицы съ переломанными крыльями, видящей, какъ высиженные ею птенцы улетаютъ въ теплыя страны. Онъ сталъ волноваться, стремиться въ Россію. Кстати-же въ Финляндіи готовился партійный съѣздъ и Леониду казалось немыслимымъ не присутствовать на немъ. Сперва друзья его смотрѣли на эти его порыванія съ большими опасеніями и боялись отпустить, считая переѣздъ и условія жизни въ Россіи слишкомъ рискованными для его аневризма. Но скоро они убѣдились, что волненія, вызывавшіяся отрѣзанностью отъ русской жизни и безпомощностью его тогдашняго положенія, были едвали не

опаснѣе всѣхъ другихъ опасностей и въ январѣ 1906 года Леонидъ отправился. На съѣздъ онъ не попалъ; но до Петербурга добрался и, насколько позволяло здоровье, окунулся въ кипящій котелъ тогдашней русской и въ частности партійной жизни.

Какъ и слѣдовало, однако, ожидать, требованія того лихорадочнаго времени оказались свыше его физическихъ силъ. Это очень ярко проявилось на одномъ изъ засѣданій „Шлиссельбургскаго Комитета“, членомъ котораго онъ былъ, между прочимъ, избранъ: во время засѣданія съ нимъ случился нервный ударъ.

Опасность шла и съ другой стороны: въ газетахъ появилось объявленіе о „розыскѣ“ автора „Разсказовъ изъ Русской Исторіи“ (въ то время уже переизданныхъ въ Россіи) для преданія его суду. Новое тюремное заключеніе было бы для Шишко равносильно смерти и въ февралѣ онъ выѣхалъ въ Финляндію. Здѣсь онъ поселился около Гельсингфорса и продолжалъ работать перомъ, насколько позволяли силы. Въ маѣ онъ снова возвратился заграницу и поселился въ Женевѣ.

Тяжелыя условія существованія въ обновленной Россіи оказались невозможными для личнаго пребыванія Шишко на родинѣ, но нисколько не парализовали его вліянія на народъ. Напротивъ, какъ разъ благодаря перемѣнѣ условій выступило впередъ съ полной силой его значеніе, какъ писателя и именно, какъ *народнаго* писателя.

Шишко писалъ не для однихъ только массъ. Достаточно просмотрѣть напечатанную въ настоящемъ томикѣ библіографію его литературныхъ работъ, чтобы видѣть, что онъ не мало работалъ также для *руководителей* массъ, для интеллигенціи, способствуя въ ней выработкѣ взглядовъ и принциповъ. У меня нѣтъ сейчасъ ни времени, ни средствъ для оцѣнки или хотя бы характеристики этой стороны его литературной дѣятельности. Но въ качествѣ нѣкоторой иллюстраціи его тенденцій и отзывчивости на выдвигаемые минутой идейные запросы, укажу на нѣсколько статей. Въ первой изъ упомянутыхъ уже двухъ статей „Летучихъ Листковъ“ (1899 года) онъ подвергаетъ анализу два теченія тогдашней революціонной мысли: одно „устраняетъ совершенно политику изъ ближайшихъ задачъ соціалистической партіи и

выдвигаетъ чисто-экономическую, трэдъ-юніонистскую програм-му: другое, напротивъ того, признаетъ необходимость политической борьбы и политич. требованій со стороны рабочихъ массъ". Это разногласіе Шишко считаетъ недоразумѣніемъ, ибо въ Россіи политическая и экономич. борьба такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно затронуть одну, не затронувъ другую. Борясь исключительно противъ хозяевъ, рабочіе наталкиваются на полицейскія стѣсненія ихъ дѣйствіи, т. е. на политическую задачу; съ другой стороны, политич. борьбу массъ невозможно построить успѣшно иначе, какъ на ихъ экономическихъ интересахъ. Разрѣшеніе задачи авторъ видитъ въ *расширеніи программы*, „расширеніи рамокъ самого движенія", между прочимъ — введеніемъ въ него крестьянской массы. Въ другой статьѣ („Подпольная Россія") Шишко полемизируетъ противъ сантиментальныхъ и близорукихъ нареканій на „агитаторовъ", которые „вовлекаютъ" молодежь въ политику и тѣмъ ее губятъ. Онъ доказываетъ, что веденіе въ Россіи революціонной борьбы именно молодежью есть *историческая необходимость*. Этой необходимости можно избѣгнуть только однимъ средствомъ: пусть старшія поколѣнія возьмутъ на себя революціонную роль, — „потому что нельзя устранить самой борьбы, обусловленной историческимъ развитіемъ мысли и жизни". Въ № 14-мъ „Революціонной Россіи" (отъ декабря 1902 г.), тогдашняго центральнаго, руководящаго органа Партіи С.-Р., мы опять находимъ статью Леонида: „По поводу одной годовщины", въ которой онъ отстаиваетъ необходимость и неизбѣжность для русской революціи быть не только политической, но и соціальной. Въ №-рѣ 41-мъ (отъ 15 февраля 1904 г.) имѣется его „Историческая Справка", возстановляющая правильный взглядъ на нѣкоторыя дѣйствія „Народной Воли". Каждый № „Вѣстника Русской Революціи" содержитъ какую нибудь работу Леонида. Такъ, въ № 1-мъ („По поводу сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ"), онъ снова подчеркивалъ значеніе революціонной работы въ крестьянствѣ. Въ № 2-мъ онъ помѣстилъ статью „Къ вопросу о роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи".

Въ перепискѣ Леонида нерѣдко встрѣчаются указанія на чрезвычайную его отзывчивость: едва намѣтится въ русской жизни какое нибудь новое идейное теченіе или выдвинется

крупный фактъ, какъ уже Шишко заинтересованъ имъ и стремится на нихъ или по поводу ихъ реагировать. 23 іюня 1907 г. онъ, напримѣръ, пишетъ Ст. Н. Слетову: „...я хочу прислать Вамъ на просмотръ небольшую брошюру по поводу новаго избирательнаго закона, которую я только что кончилъ. Брошюра написана немного наскоро, но съ этимъ дѣломъ необходимо спѣшить; необходимо во чтобы то ни стало выпустить какъ можно скорѣе соотвѣтствующія агитаціонныя брошюры". И далѣе: „Я послалъ въ Рус. Богатство статью: „Н. Чернышевскій и освобожденіе крестьянъ", которую оно не напечатало, потому что расходится со мной во взглядахъ *на роль либераловъ въ дѣлѣ крестьянскихъ реформъ*, хотя и признаетъ мою статью „интересной и значительной". 17 февраля того же года онъ снова пишетъ: „Меня такъ задѣваетъ эта новая литература, что я бросилъ на время работу и началъ писать статейку по поводу „Санина" и новой морали". Въ 1908 году вышла книжка Якобія и Фирсова, разбиравшая с.-р-скую аграрную программу, и Леонидъ сообщаетъ Слетову: „Занятъ я теперь книгой Фирсова. Приходится писать опроверженіе".

Въ самый позднѣйшій періодъ Шишко старался противодѣйствовать тѣмъ вреднымъ толкамъ вкривь и вкось, какіе вызвалъ въ революціонной средѣ „Конь блѣдный" (разборъ этой повѣсти — въ „Извѣстіяхъ Обл. Загр. Комит." отъ мая 1909 г.) Онъ приготовилъ къ печати исправленную и дополненную имъ „Исторію революціоннаго движенія въ Россіи" А. Туна. Наконецъ онъ написалъ цѣлый рядъ статей, преимущественно по философіи исторіи и по исторіи русскаго революціоннаго движенія, въ легальной печати. *)

Этими трудами Шишко несомнѣнно внесъ свою долю въ умственный обиходъ русскаго интеллигентнаго читателя (особенно большую услугу оказалъ онъ обработкой Туна, такъ какъ книжка эта явилась первымъ связнымъ изложеніемъ русскаго освободительнаго движенія, притомъ освѣщеннаго съ соціал-революціонной точки зрѣнія); тѣмъ не менѣе не они сдѣлали изъ его пера одну изъ движущихъ и дѣятельныхъ силъ въ политическомъ пробужденіи русскаго народа. Такую роль сыграли его популярныя, народныя книжки, листовки и статьи.

*) Смотри библіографію.

Онъ первый далъ въ „Разсказахъ изъ Русской Исторіи“ трудовымъ массамъ изложеніе ихъ историческаго прошлаго, освѣщеннаго съ точки зрѣнія трудовыхъ интересовъ. Онъ, въ „Бесѣдахъ о землѣ“ философски обосновалъ для крестьянина крестьянскій взглядъ на землю и въ высшей степени остроумно и убѣдительно указалъ ему на самоубійственное значеніе нерѣдко обуревающаго его жаднаго влеченія къ захвату земли. Понимая рѣшающее значеніе для русскихъ массъ земельнаго вопроса, Шишко возвращался къ нему въ нѣсколькихъ брошюрахъ и листовкахъ, подходя къ нему съ разныхъ сторонъ. Онъ повелъ политическое образованіе элементарнаго человѣка еще дальше, показавъ, *что такое либерализмъ*, *) объяснивъ столыпинскую *аграрную политику* **) и т. д. и т. д. И *какъ* онъ все это сдѣлалъ! Какъ бы сложенъ и затруднителенъ ни былъ предметъ, Шишко умѣлъ его изложить такъ, что все становилось ясно самому неподготовленному и неразвитому читателю или слушателю. Огромное большинство даже талантливыхъ писателей для народа старается поддѣлаться подъ народный языкъ, — далеко не всегда удачно. Таже тенденція замѣтна и въ первомъ, юношескомъ произведеніи Леонида („Чтой-то братцы“...) Но ничего подобнаго нѣтъ въ его произведеніяхъ второго періода. Онъ пишетъ для крестьянина и рабочаго своимъ собственнымъ, обычнымъ языкомъ, только избѣгая мудреныхъ словъ, длинныхъ сложныхъ предложеній и упрощая его до послѣдней степени. Доступность и занимательность этого рода писаній Шишко зависитъ не отъ выбора словъ и выраженій, а отъ его умѣнья понять до тонкости психологію своего читателя и соотвѣтственно аргументировать.

Мнѣ вспоминается случай, хорошо иллюстрирующій силу Леонида, какъ народнаго писателя. Мендель Розенбаумъ, товарищъ, одно время завѣдывавшій (и очень успѣшно) переправкой изданій Лиги и Партіи С.-Р. черезъ австрійскую границу, столкнулся въ Галиціи съ семействомъ евангелическихъ христіанъ, только что бѣжавшихъ отъ царскихъ религіозныхъ преслѣдованій. Онъ предложилъ имъ книгъ для чтенія и, видя въ нихъ прежде всего сектантовъ, далъ имъ преимущественно произведенія Льва Толстого и другія изданія Вл. Черткова, прибавивъ и нѣсколько революціонныхъ брошюръ. Когда затѣмъ, интересуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, онъ спросилъ, какая книжка понравилась имъ всего болѣе, сектанты указали на „Бесѣды о землѣ“. — „Какъ“, спросилъ онъ въ крайнемъ удивленіи и едва довѣряя своему слуху: „развѣ брошюры Толстого вамъ не нравятся?“ — „Нѣтъ, нравятся“, отвѣчали ему; „онѣ очень хороши; но всетаки эта („Бесѣды“)—самая лучшая“.

*) „Либералы и соціальдемократы“ (Листовка 15-я).

**) „Чего хочетъ добиться правительство закономъ 9 ноября“, — послѣдняя по времени листовка, написанная Леонидомъ и изданная незадолго до его смерти.

Особенно много труда было вложено Леонидомъ въ „Разсказы изъ Русской Исторіи“. Изложеніе болѣе ранняго ея періода не требовало очень большой затраты силъ, такъ какъ тамъ къ услугамъ Шишко былъ матерьялъ, уже разработанный такими компетентными историками, какъ Костомаровъ, Соловьевъ и Ключевскій. Но чѣмъ ближе онъ подвигался къ нашему времени, тѣмъ этихъ разработокъ оказывалось все меньше и меньше, такъ что пришлось обращаться все болѣе и болѣе къ спеціальнымъ монографіямъ и даже необработанному, сырому матеріалу первоисточниковъ и самому его разрабатывать. Да и количество фактовъ, изложеніе и освѣщеніе которыхъ надо было немилосердно сжать, возросло страшно. Однако усидчивость и работоспособность Леонида все преодолѣли. 28 іюня 1907 г. онъ писалъ изъ Марбаха: „Четвертая часть „Разск. изъ Р. Исторіи“, посвященная царствованію Александра II и крестьянской реформѣ, уже давно приготовлена къ печати и отправлена въ Россію (еще въ маѣ)“. Но этимъ дѣло не ограничилось. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ: „...я занятъ теперь послѣдней частью „Разсказовъ изъ Русской Исторіи“, *куда должна войти и исторія революціоннаго движенія*“ *)—„Пока я занятъ тѣмъ, что перечитываю французскихъ энциклопедистовъ и ищу у нихъ такихъ яркихъ и характерныхъ страницъ, которыя можно было бы цѣликомъ внести въ мою книгу. Дѣло въ томъ, что я задумалъ ознакомить читателя *съ идейными* предшественниками русскаго революціоннаго движенія и для этого хочу, для болѣе полнаго освѣщенія декабристовъ, познакомить въ подлинникѣ съ идеями Руссо, Воль-

*) Курсивъ мой. *Ф. В.*

тера, Мабли и др., для ознакомленія съ движеніемъ петрашевцевъ познакомить, въ наиболѣе яркихъ выпискахъ, съ идеями С.-Симона, Фурье и т. д. Меня очень занимаетъ эта мысль, и я уже предпринялъ довольно скучную работу перечитыванія всѣхъ сочиненій Руссо и Вольтера. У Руссо уже нашелъ то, чего искалъ, у Вольтера же еще пока нѣтъ". 21 декабря онъ снова пишетъ изъ Chêne-Bourg'а о томъ же: „Работа моя подвигается впередъ. Теперь занятъ изложеніемъ въ подлинныхъ выдержкахъ системъ С.-Симона и Фурье, какъ идейныхъ источниковъ движенія петрашевцевъ. Работаю, такъ сказать, впрокъ, безъ опредѣленной надежды увидѣть скоро написанное въ печати. Хорошо еще, что самый характеръ работы позволяетъ зарываться въ глубь временъ".

Я упомянулъ лишь о немногихъ народныхъ произведеніяхъ Шишко. Сейчасъ невозможно еще выяснить все имъ написанное въ этомъ родѣ, такъ какъ многое появилось въ печати анонимно и нѣтъ полныхъ статистическихъ данныхъ. Мало того. Въ его перепискѣ есть указанія на работы, которыхъ мы сейчасъ не находимъ даже среди анонимныхъ изданій. Такъ, осенью 1907 года Шишко пишетъ Ст. И. Слетову: „Посылаю вамъ для передачи Ж-ому рукопись — брошюру по вопросу объ еврейскихъ погромахъ". Рукопись эта, по просмотрѣ и одобреніи ея Житловскимъ, была Леониду возвращена, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Леонидъ въ письмѣ отъ 2 ноября того же года. Но сейчасъ никакихъ слѣдовъ этой работы найти невозможно.

Не станемъ, однако, забираться въ невѣдомыя области. Если остановиться лишь на нѣкоторыхъ, упомянутыхъ выше брошюрахъ и притомъ — исключительно въ нелегальномъ изданіи, такъ и то получится, количественно, внушительная цифра въ 89000 экземпляровъ въ сложности. Но цифра эта совершенно померкла, когда наступленіе „свободъ" сдѣлало возможнымъ переизданіе народныхъ произведеній Шишко въ Россіи.

Пробужденіе русскаго народа вызвало почти безграничный спросъ на политическую литературу, въ особенности на такую, въ которой подходящія темы трактовались вполнѣ откровенно, безъ умолчаній. Россійское издательство обратилось къ открыто лежавшему передъ нимъ источнику, накоплявшемуся десятки лѣтъ — къ заграничной нелегальной литературѣ. Стали перепечатывать рѣшительно все, извѣстное когда-либо изъ появившагося за рубежомъ, за исключеніемъ совершенно ничего нестоющей дребедени, или вещей, имѣвшихъ преходящій интересъ минуты. Впервые со времени существованія эмиграціи русскій политическій изгнанникъ, вѣчно перебивавшійся съ хлѣба на квасъ и подчасъ существовавшій улитками и грибами, собранными по швейцарскимъ горамъ и перелѣскамъ, сталъ „нужнымъ человѣкомъ": его авторскія права покупались, его сотрудничества просили!

Вотъ тутъ-то и получилъ народное признаніе популяризаторскій талантъ Леонида. „Донская Рѣчь" перепечатала его „Разсказы изъ Русской Исторіи" въ 200 тысячахъ экземпляровъ, но публика требовала еще и еще. За Парамоновымъ послѣдовали: Распоповъ, „Школьное Дѣло", „Молодая Россія", — и всѣ эти фирмы издавали „Очерки изъ Русской Исторіи", „Бесѣды о землѣ" и другія произведенія Шишко въ громадныхъ количествахъ экземпляровъ. Если я и ошибусь, то никакъ не въ сторону преувеличенія, сказавъ, что въ Россіи ихъ издано, въ сложности, отъ 700 тысячъ до милліона.

Всѣ мы знаемъ, какъ читается въ народѣ понравившаяся книжка. Каждый экземпляръ имѣетъ не только многихъ читателей, но онъ читается до тѣхъ поръ, пока отъ страницъ остаются одни клочья. Итакъ, читатели Шишко должны считаться милліонами! Не имѣемъ ли мы послѣ этого права сказать, что Шишко оставилъ замѣтный слѣдъ въ политическомъ воспитаніи русскихъ массъ?

Возвращеніе къ условіямъ жизни эмигранта не могло не тяготить души Шишко, тѣмъ болѣе, что оно было слѣдствіемъ поднявшей голову реакціи. Какъ видно изъ приведенныхъ выше выдержекъ изъ его писемъ, тревожное раздумье о судьбахъ революціи и родного народа постоянно набрасывало темную тѣнь на его душу. Но тѣ же цитаты удостовѣряютъ, что онъ не хотѣлъ сдаваться. Старая, въ юности всосанная въ плоть и кровь идеалистическая вѣра въ силы и стремленія трудящагося русскаго люда осталась неприкосновенною и лишь лучше осмыслилась, окрѣпла и развилась подъ вліяніемъ только что пережитаго пробужденія массъ, обширнаго чтенія и упорной, вѣчной думы надъ прочитаннымъ и наблюденнымъ.

Этой вѣрѣ предстояло еще одно, горчайшее испытаніе: Азефъ — членъ Центральнаго Комитета Партіи и глава Боевой Организаціи—былъ уличенъ въ злѣйшемъ предательствѣ. Для Партіи это былъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ „подъ ножку“, которые считаются подлыми во всякой борьбѣ, ибо ихъ невозможно вовремя предусмотрѣть и противъ нихъ почти нельзя устоять. Ударъ этотъ не погубилъ Партію, не выдернулъ изъ-подъ нея почвы; но онъ сбилъ ее въ тотъ моментъ съ ногъ, лишилъ множества друзей, пошатнулъ ея обаяніе и — что всего ужаснѣе — поселилъ недовѣріе, „это чудовище съ зелеными глазами“, въ ея собственныхъ рядахъ. Недовѣріе было двоякое: недовѣріе, подозрительность по отношенію другъ къ другу и недовѣріе, сомнѣніе въ способахъ борьбы, въ самыхъ путяхъ, какими велась борьба. Что могло быть ужаснѣе для организаціи и ведомыхъ ею рядовъ народной „большой арміи“, вся дѣятельность которыхъ была построена на вѣрѣ въ идею, въ извѣстный методъ, и на взаимномъ товарищескомъ довѣріи другъ къ другу?!

Шишко первоначально зналъ обо всемъ дѣлѣ очень мало. Онъ зналъ, что Азефа *подозрѣваютъ*, но и только. Подозрѣнія шли изъ источника, котораго прошлое отнюдь не внушало довѣрія къ его прозорливости и въ то же время говорило о чрезмѣрной подозрительности, обратившейся почти въ манію.

Между тѣмъ, для тѣснаго кружка лицъ, ведшихъ разслѣдованіе объ Азефѣ, не оставалось уже сомнѣнія въ его преступленіяхъ. Надо было сказать это и Леониду. Но какъ сказать? Какъ нанести ударъ, который могъ бы убить человѣка, какъ Шишко, для котораго жизнь революціи была его собственной жизнью. А Леонидъ какъ разъ въ это время болѣлъ тяжеле обыкновеннаго и лежалъ въ постели...

Но внутренняя сила этого хилаго человѣка оказалась поистинѣ изумительной. Онъ выслушалъ разсказъ безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій того, что происходило у него внутри. Затѣмъ поднялся съ постели, нѣсколько времени задумчиво молчалъ и, наконецъ, проговорилъ: „Но зачѣмъ онъ цѣловалъ у меня руки?!“

Очевидно, онъ уже воспринялъ всецѣло ударъ и мысль работала только надъ анатомической диссекціей факта.

Послѣдовавшую ночь Шишко не могъ заснуть.

Таковъ былъ ударъ. Но и онъ не пошатнулъ вѣры Леонида въ конечное торжество правды. И когда затѣмъ атмосфера взаимнаго недовѣрія стала разъѣдать революціонную среду, эта вѣра, какъ и внутренняя чистота юныхъ дней, сохраненная до шестого десятка лѣтъ, еще разъ сыграли свою благодѣтельную и могучую роль. Люди, недовѣрявшіе другъ другу, усомнившіеся въ ближайшихъ друзьяхъ, останавливали свой помутившійся взглядъ на Леонидѣ и говорили: „есть-же, вотъ, однако, человѣкъ, котораго *никто* не можетъ заподозрить ни въ чемъ нечистомъ, — человѣкъ, стоящій выше какихъ бы то ни было подозрѣній!..“ Люди, подъ которыми заколебалась почва, — люди, которые готовы были, въ отчаяніи, въ разочарованіи передъ всѣми извѣстными имъ путями, бросить все и наложить на себя руки, или идти доживать безцвѣтную, разбитую жизнь гдѣ-нибудь въ неизвѣстности, — эти люди, послѣ разговора съ Шишко, шли успокоенные и возвращались въ бой.

Имѣются и конкретныя данныя для иллюстраціи этой непоколебимости Шишко. Несмотря на мучившую его болѣзнь, на тяжесть другихъ лежавшихъ на немъ работъ, онъ взялъ на себя функціи представительства по нѣкоторымъ организаціонно-боевымъ операціямъ. Онъ взялъ ихъ на себя потому, что продолжалъ вѣрить въ конечное торжество правды, для котораго дальнѣйшій ходъ операцій былъ необходимъ. Сообщаемый мною фактъ былъ при его жизни неизвѣстенъ даже самымъ близкимъ ему лично людямъ, — но это фактъ.

IV.

Шишко умеръ 58 лѣтъ. Въ Англіи, гдѣ семидесяти и восьмидесятилѣтніе люди не находятъ для себя тягостнымъ состоять членами парламента и принимать участіе въ его засѣданіяхъ, — гдѣ чуть не каждыя двѣ недѣли натыкаешься въ газетахъ на имя столѣтняго — и болѣе чѣмъ столѣтняго — старика или старухи, его назвали бы „человѣкомъ средняго возраста“. Но русскія условія не способствуютъ долговѣчію. Тѣмъ менѣе способствуютъ ему условія жизни русскаго революціонера. Закопативъ его въ 22 года въ

одиночную тюрьму и уже не выпуская изъ своихъ когтей въ теченіи послѣдующихъ 16 лѣтъ, русскій оффиціальный „порядокъ“ надѣлилъ Шишко цѣлымъ ассортиментомъ немощей, которыя должны были неизбѣжно укоротить его жизнь. Кромѣ разстройства глазъ, пищеваренія и нервовъ, о которыхъ я уже упоминалъ, тюрьма и ссылка подготовили и ту спеціальную болѣзнь, которая непосредственно свела его въ могилу.

Зимою 1894-5 года, въ бытность его въ Парижѣ, впервые проявилась въ немъ болѣзнь сердца въ легкомъ припадкѣ паралича. Въ 1905 году, во время жизни Шишко въ Женевѣ, приступъ болѣзни повторился въ болѣе угрожающей формѣ. Въ слѣдующемъ году, въ Петербургѣ — новый ударъ и затѣмъ идутъ мелкіе припадки вплоть до послѣдняго, соединеннаго, какъ и ранѣе, съ закупоркой сосудовъ, но такой, какъ писалъ самъ Леонидъ, „какой еще не бывало“. Болѣзненный приступъ 11 декабря 1909 года сопровождался мучительными болями. Къ 1-му января Леониду стало лучше и до 15 состояніе здоровья все улучшалось. Этотъ утѣшительный терминъ не слѣдуетъ однако окрашивать въ слишкомъ розовый цвѣтъ: „улучшеніе“ состояло въ томъ, что Шишко могъ кое-какъ бродить по комнатѣ на костылѣ, волоча лѣвую ногу. Но онъ былъ въ превосходномъ расположеніи духа. Вдругъ 15-го января температура сильно повысилась: „эмболія попадаетъ въ правое легкое, вызывая воспаленіе“. Появляются страшныя боли при каждомъ дыханіи, такъ что больному пришлось давать морфій. 20-го января около шести часовъ утра сердце начинаетъ слабѣть и въ одиннадцать нашего дорогого друга и прекраснѣйшаго изъ людей — не стало.

Вся лучшая доля жизни Шишко — вся его молодость и періодъ возмужалости — прошла въ сплошныхъ физическихъ и соединенныхъ съ ними душевныхъ страданіяхъ. Къ этому отъ времени до времени присоединялись спеціальные удары вродѣ потери любимыхъ товарищей (а Леонидъ любилъ нѣжно и глубоко), революціонныхъ неудачъ, предательства Азефа. Такъ что, глядя со стороны, можетъ показаться, что вся его жизнь, хотя прекрасная и прозрачно-чистая внутри, была однимъ жестокимъ мучительствомъ судьбы. Но я глубоко убѣжденъ, что еслибы его спросить, что онъ думаетъ о своей жизни, то онъ отвѣтилъ бы, что онъ ею доволенъ, — что онъ былъ счастливѣе многихъ. „Какъ ни тяжела карьера нигилиста, но кто-же изъ сознательно вступившихъ на этотъ путь промѣняетъ его на участь благополучнаго россіянина или изнывающаго въ душевныхъ мукахъ непослѣдовательнаго русскаго радикала?“ *)

Не можемъ и мы смотрѣть на дѣло иначе. Развѣ это не счастье, не огромное счастье — юношей отдать всю свою жизнь, всѣ свои радости народу безъ малѣйшей надежды когда либо увидѣть результаты своей жертвы и... дожить до политическаго пробужденія массъ, до первой активной ихъ попытки взять свою судьбу въ собственныя руки? Развѣ не настоящее, захватывающее счастье — видѣть, что мои задушевныя мысли и чувства, при посредствѣ печатнаго станка, проникаютъ въ милліоны умовъ и сердецъ, и, глядя на пробудившійся народъ, чувствовать по праву, что „и моего тутъ капля меду есть“? Развѣ не счастье — распространять вокругъ себя облагораживающее, очищающее вліяніе на товарищей, ободрять ихъ въ минуты разочарованій и упадка духа и напутствовать, — укрѣпленныхъ, вновь идущихъ въ бой за правду и родной народъ? Развѣ не счастье, наконецъ, даръ — внушать всѣмъ и каждому къ себѣ любовь и уваженіе, проявленій которыхъ Леонидъ видѣлъ такъ много при жизни и конечнымъ выраженіемъ которыхъ явились его похороны, гдѣ не только ближайшіе товарищи, вѣрные союзники, но и идейные противники соединились братски въ одной любовной дани почтенія памяти покойнаго?

Дай богъ всякому прожить такую жизнь! Дай богъ всякому оставить по себѣ такое духовное наслѣдство!

Въ заключеніе — да позволено мнѣ будетъ сказать пару словъ въ собственное оправданіе. Я знаю лучше всякаго другого недостатки настоящаго очерка: личность дорогого покойника обрисована въ немъ неполно, а потому, можетъ быть, и недостаточно ярко. Но для полнаго портрета нужно время. Для этого нужно собрать переписку Шишко, которая является тѣмъ болѣе существенною, что она всегда была со-

*) „Подпольная Россія“, ст. Чемизова-Шишко въ 46-мъ *Летучемъ Листкѣ Фонда В. Р. Пр.*

держательна. Надо распросить и положить на бумагу все то, что помнять о немъ работавшіе съ нимъ товарищи и „свидѣтели его жизни“. Настоящій же очеркъ писанъ наскоро, чтобы удовлетворить законному желанію всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ его смерть, какъ потерю; — чтобы, напомнивъ имъ, хотя бы и неполно, о томъ, какъ много покойный далъ своимъ современникамъ, — смягчить горькое чувство личной потери чувствомъ тихой, свѣтлой благодарности. Мой очеркъ — не болѣе, какъ погребальный звонъ надъ могилей дорогого, любимаго, уважаемаго человѣка и друга. Какъ звонарь въ прекрасномъ украинскомъ разсказѣ Д. Мордовцева, я довольствуюсь тѣмъ, что звоню „на помин души“...

„Хто-сь то по моій гришній души задзвонить?“...

Ф. Волховскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ.

II. Посмертныя статьи Л. Э. Шишко:

1) Изъ воспоминаній прошлаго.

2) Письмо Жоресу.

3) Къ вопросу объ организаціи.

III. Списокъ работъ Л. Э. Шишко.

Завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ.

(напечатано въ № 6-7 «Общины», іюнь-іюль 1878 г.).

Въ редакцію «Общины».

Прилагаемое наше заявленіе должно быть напечатано *непремѣнно*: органъ партіи, къ которой мы принадлежимъ, не можетъ отказать намъ въ этомъ, какъ членамъ партіи. *Срокъ* (время) появленія въ печати заявленія отдается на волю редакціи; но мы обязываемъ ее руководиться при этомъ *исключительно* политическими мотивами, интересами партіи, но никакъ не соображеніями объ участи того или другого изъ насъ.

Ф. Волховскій.
В. Костюринъ.
А. Лукашевичъ.
М. Муравскій.
Т. Квятковскій.
С. Чудновскій.
Д. Рогачевъ.
А. Лозановъ.
Н. Чарушинъ.
Коваликъ.
Н. Соколовъ.
М. Сажинъ.
Л. Шишко.
В. Стаховскій.
П. Макаревичъ.
Зарубаевъ.
Ф. Лермонтовъ.
С. Жебуневъ.
С. Стопане.

ТОВАРИЩИ ПО УБѢЖДЕНІЯМЪ!

„Процессъ русской народно-революціонной (соціально-революціонной) партіи" оффиціально законченъ: такъ называемый „приговоръ" въ окончательной формѣ подписанъ и оффиціальной власти остается только отправить насъ, осужденныхъ на каторгу и ссылку, — по назначенію. Уходя съ поля битвы плѣнными, но честно исполнившими свой долгъ по крайнему нашему разумѣнію, уходя, быть можетъ, навсегда, подобно Купріянову, мы считаемъ нашимъ правомъ и нашею обязанностью обратиться къ вамъ, товарищи, съ нѣсколькими словами. Не придавая себѣ значенія болѣе того, какое мы имѣемъ, мы будемъ говорить лишь въ предѣлахъ той роли, какая наложена на насъ извнѣ. Оффиціальная власть нашла для себя полезнымъ сдѣлать насъ наглядным примѣромъ устрашенія для людей одинаковаго

съ нами направленія — и путемъ лицемѣрнаго различія въ „мѣрѣ наказанія“ — быть можетъ также средствомъ развращенія людей слабыхъ, готовыхъ руководиться въ своемъ поведеніи не однимъ голосомъ совѣсти, но и соображеніями о личномъ благополучіи. Въ виду этой невольной роли мы чувствуемъ себя обязанными заявить, что никакія „кары“, ни „снисхожденія“ не въ состояніи измѣнить ни на іоту нашей приверженности къ русской народно-революціонной партіи. Мы попрежнему остаемся врагами дѣйствующей на Руси системы, составляющей несчастіе и позоръ нашей родины, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи она эксплуатируетъ трудовое начало въ пользу хищнаго тунеядства и разврата, а въ политическомъ — отдаетъ трудъ, имущество, свободу, жизнь и честь каждаго гражданина на произволъ „личнаго усмотрѣнія“. Мы завѣщаемъ нашимъ товарищамъ по убѣжденіямъ идти съ прежней энергіей и удвоенной бодростью къ той святой цѣли, изъ-за которой мы подверглись преслѣдованію и ради которой готовы бороться или страдать до послѣдняго вздоха.

N. B. — Это заявленіе посылается нами за подлинными нашими подписями въ редакцію „Общины“ съ просьбой опубликовать его; оригиналъ же сохранить, какъ доказательство вѣрности и подлинности документа.

Петро-Павловская крѣпость,
25-го мая 1878.

Войнаральскій.	*В. Осташкинъ.*
Ф. Волховскій.	*Д. Рогачевъ.*
С. Жебуневъ.	*М. Сажинъ.*
Зарубаевъ.	*Синегубъ Сергѣй.*
Т. Квятковскій.	*Н. Соколовъ.*
Ковалик.	*В. Стаховскій.*
В. Косторкинъ.	*Сергѣй Стопане.*
А. Лизановъ.	*Н. Чарушинъ.*
Ф. Лермонтовъ.	*Н. Чернявскій.*
А. Лукашевичъ.	*С. Чудновскій.*
Макаревичъ Петръ.	*Л. Шишко.*
М. Муравскій.	*Е. Брешковская.* *)

*) Прибавлено по личной просьбѣ за невозможностью доставить документъ ей лично.

Л. Э. Шишко.
Съ фотографической карточки, снятой въ октябрѣ 1871 г. въ Спб. въ фот. Ягельскаго.

Изъ воспоминаній прошлаго.

Весною 1873 г. я былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ письмомъ отъ Сергѣя Кравчинскаго. Кравчинскій сообщалъ, что петербургскій кружокъ, о существованіи котораго я до тѣхъ поръ только догадывался, приглашалъ меня вступить въ число своихъ членовъ. Это былъ кружокъ чайковцевъ. Зиму 1873 г. я провелъ въ Петербургѣ и видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Я былъ въ это время въ Технологическомъ Институтѣ, но ужъ рѣшилъ сдѣлаться народнымъ учителемъ. Идея необходимости сближенія съ рабочими массами носилась тогда въ воздухѣ. Вскорѣ послѣ Рождества я бросилъ занятія въ Институтѣ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у меня былъ близкій товарищъ. Мы послали въ два или три земства письма съ предложеніемъ занять мѣста народныхъ учителей и ждали отвѣта. Въ это самое время пришло письмо Кравчинскаго, и я немедленно выѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ былъ данъ адресъ квартиры на Саратовской улицѣ, тогда еще немощеной, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ и деревянными домами. На квартирѣ меня встрѣтилъ высокій юноша съ густыми рыжими волосами, падавшими на высокій лобъ, и блѣдная дѣвушка съ очень умнымъ лицомъ. Это были Чарушинъ и Анна Дмитріевна Кувшинская. Они оба были изъ Вятки. Анна Дмитріевна числилась студенткой женскихъ медицинскихъ курсовъ, только что открывшихся при Медико-Хирургической Академіи. Вмѣстѣ съ Перовской, сестрами Корниловыми и Ободовской, она входила въ составъ кружка чайковцевъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя однѣ изъ первыхъ перешагнули страшный порогъ, о которомъ говорилъ Тургеневъ. Когда я узналъ ее, она уже вела занятія съ рабочими Выборгской Стороны. Знакомства съ рабочими начались у кружка чайковцевъ еще съ 1871 года. На частныхъ квартирахъ устраивались нѣчто вродѣ вечернихъ классовъ, на которые приглашались рабочіе. Зимою 1872 года на Выборгской Сторонѣ былъ нанятъ отдѣльный домикъ Байкова, куда ежедневно стекалось по нѣскольку десятковъ рабочихъ. Съ ними занимались чтеніемъ, ариө-

метикой, географіей и въ то же время приглядывались къ нимъ, знакомились ближе съ наиболѣе выдающимися изъ нихъ, одаренными божьей искрой. Изъ такихъ образовывались болѣе тѣсныя группы, которыя посвящались, въ самыхъ общихъ чертахъ, въ цѣли кружка. Одна изъ такихъ подобранныхъ группъ собиралась по вечерамъ на квартирѣ Чарушина и Кувшинской, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ. Я до сихъ поръ помню нѣкоторыхъ изъ этихъ рабочихъ: помню Григорія Крылова, — страстная и самоотверженная натура, рвавшаяся на подвигъ; помню Якова Ивановича, пожилого ткача, захваченнаго пропагандой еще въ воскресныхъ школахъ 1861-62 гг.; помню молодого и дерзкаго Абакумова, сдержаннаго Ефима... Бесѣдами и чтеніями на этихъ небольшихъ вечернихъ собраніяхъ руководилъ главнымъ образомъ Чарушинъ, но Анна Дмитріевна вносила въ нихъ много свойственнаго ей оживленія. Умная и общительная, она хорошо различала индивидуальныя особенности каждаго изъ рабочихъ, и съ каждымъ изъ нихъ у нея устанавливались простыя и правильныя отношенія. То была ранняя заря рабочаго движенія. Представителями его являлись отдѣльныя единицы, какъ бы оторванныя отъ окружавшей ихъ массовой среды. Эта окружавшая ихъ массовая среда была тогда еще на очень низкой ступени общественнаго развитія: ей чужда была даже самая мысль о возможности какого-нибудь участія въ общественной жизни. Знакомясь съ соціалистами, рабочіе впервые сталкивались съ совершенно новыми для нихъ вопросами: они переносились какъ бы совсѣмъ въ другой міръ; отъ пропагандиста требовались незаурядныя способности, чтобы содѣйствовать этому духовному перевороту. Вотъ почему такіе крупные люди, какъ Кравчинскій, Кропоткинъ, Клеменцъ, Купреяновъ, Анатолій Сердюковъ уходили цѣликомъ на работу, приносившую, повидимому, столь незначительные результаты. Съ точки зрѣнія современныхъ условій, достигнутое съ большими усиліями пріобрѣтеніе двухъ или трехъ десятковъ сознательныхъ рабочихъ врядъ-ли даже заслуживало бы особаго упоминанія; но въ то время это были первые драгоцѣнные ростки, положившіе начало рабочему движенію. Большое значеніе этихъ первыхъ шаговъ хорошо сознавалось въ то время, и вліяніе кружка чайковцевъ никѣмъ не оспаривалось.

Этотъ кружокъ представлялъ какъ бы тѣсную товарище-

скую семью. Всѣ члены его были связаны между собой личною дружбою, безусловно вѣрили въ полную преданность каждаго изъ нихъ. Личная жизнь сливалась для нихъ съ общимъ завѣтнымъ дѣломъ. Подборъ членовъ кружка на почвѣ полной искренности и безраздѣльности стремленій создалъ группу лицъ, столь родственныхъ между собой по духу, что личная привязанность и самая тѣсная дружба возникали между ними какъ бы по довѣрію.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я уже горячо полюбилъ Чарушина и Анну Дмитріевну и мы составляли какъ бы отдѣленіе Выборгской Стороны по занятію съ рабочими и ежедневно встрѣчались другъ съ другомъ. Затѣмъ въ самомъ началѣ 1874 г. Чарушинъ былъ арестованъ, а вскорѣ послѣ него была арестована и Анна Дмитріевна. Началось долгое, почти четырехлѣтнее тюремное заключеніе. Увидѣлись мы снова только во время суда, въ концѣ 1877 г., а въ іюлѣ 1878 г. я, Чарушинъ и Синегубъ были отправлены на Кару, причемъ Анна Дмитріевна, уже обвѣнчавшаяся тогда съ Чарушинымъ, поѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Мы пробыли тамъ до лѣта 1881 г. Эти три года были полны самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ они окрашены многими дорогими воспоминаніями. Насъ было тогда еще мало на Карійской каторгѣ — человѣкъ 12, причемъ пятеро изъ насъ принадлежали къ кружку чайковцевъ (Чарушины, я и Синегубъ съ женой). По пріѣздѣ, мы нашли тамъ Е. С. Семяновскаго и С. Н. Богданова, которые были привезены за годъ до насъ. Кромѣ того тамъ находились П. Г. Успенскій, осужденный въ 1871 году по нечаевскому дѣлу, и его жена, Александра Ивановна, служившая акушеркой при тюремной больницѣ. Затѣмъ были еще А. О. Союзовъ, А. Т. Квятковскій, А. Н. Бибергаль и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ нами пріѣхала на Кару Е. К. Брешковская, но оставалась тамъ только два или три мѣсяца, а потомъ была увезена на поселеніе.

Первые мѣсяцы по пріѣздѣ на Кару мы провели въ тюрьмѣ, хотя по общимъ тюремнымъ правиламъ могли бы уже быть выпущенными на вольныя квартиры, такъ какъ срокъ нашихъ каторжныхъ работъ, согласно приговору суда, долженъ былъ считаться со дня нашего ареста, т. е. съ 1874 года. Комендантомъ Карійскихъ каторжныхъ тюремъ былъ тогда В. О. Кононовичъ. Это было довольно рѣдкое явленіе въ оф-

фиціальномъ мірѣ. Человѣкъ съ большими способностями, умный и развитой, онъ отличался гордымъ и независимымъ характеромъ. Встрѣчаясь съ людьми другого круга и другого образа мыслей, онъ умѣлъ цѣнить въ нихъ то, что заслуживало уваженія,—въ такихъ случаяхъ признанныя закономъ и даже обязательныя для него мѣрки отходили на второй планъ. При насъ на Карѣ была группа уральскихъ казаковъ, сосланныхъ за волненія, бывшія въ 1874 г. Это были убѣжденные люди, жертвы политическихъ преслѣдованій. Вопреки всѣмъ тюремнымъ уставамъ, Кононовичъ не сталъ держать ихъ въ тюрьмѣ и устроилъ имъ болѣе сносное существованіе, назначивъ ихъ сторожами при казенныхъ магазинахъ. Встрѣтившись съ политическими заключенными, онъ вскорѣ разглядѣлъ въ нихъ болѣе близкихъ себѣ по духу людей, чѣмъ окружавшее его общество казацкихъ офицеровъ и чиновниковъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него Евгеній Степановичъ Семяновскій. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся человѣкъ—выдающійся по уму, по образованію, по силѣ общественнаго чувства и по силѣ сознанія неприкосновенности своей личности. Онъ горячо любилъ рабочій народъ. Онъ бросилъ все, бросилъ любимаго отца, бросилъ личное счастье, карьеру, и пошелъ, вмѣстѣ съ другими, съ книжками къ рабочимъ; но ни за какія идеальныя блага онъ не отказался бы ни отъ одной малѣйшей частицы своего человѣческаго достоинства. Сознаніе неприкосновенности своей человѣческой личности было дороже для него жизни. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и хорошо владѣлъ собой: онъ просто и спокойно отстаивалъ свои требованія, когда они касались этой святыни для него, но пошелъ бы въ отстаиваніи ихъ до конца. Во время его пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, по дорогѣ въ Кару, его, одѣтаго въ арестантскій халатъ, встрѣтилъ на тюремномъ дворѣ полковникъ Соловьевъ, адъютантъ иркутскаго генералъ-губернатора, надменный гвардейскій офицеръ. Послѣдовалъ вопросъ: „Какъ фамилія?“ Зная, что передъ нимъ политическій арестантъ, Соловьевъ намѣренно избѣгалъ мѣстоименія. „Чья?“ — спросилъ его Семяновскій. „Какъ фамилія?“—уже угрожающе загремѣлъ Соловьевъ. „Чья?“ — снова и также спокойно повторилъ Семяновскій, причемъ смотрѣлъ Соловьеву прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было столько внутренней силы и рѣшимости, что Соловьевъ не выдержалъ и пре-

рывающимся голосомъ произнесъ:—„Ваша“. Эта небольшая сцена очень характерна. Семяновскій отлично понималъ серьезность положенія: если бы Соловьевъ не сдался, дѣло кончилось бы неминуемой катастрофой. Въ этомъ отношеніи Семяновскій былъ хрупкая натура, не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И онъ дѣйствительно скоро погибъ, не кончивъ срока каторжныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, Кононовичъ сталъ хлопотать чрезъ Забайкальскаго губернатора о примѣненіи къ политическимъ заключеннымъ общаго тюремнаго правила, по которому вторая половина срока проводится каторжниками на вольныхъ квартирахъ. Разрѣшеніе было получено черезъ годъ, но Кононовичъ къ веснѣ освободилъ насъ изъ тюрьмы своею властью. Онъ освободилъ насъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ и освободилъ отъ всякаго вмѣшательства въ нашу жизнь мѣстной полиціи. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, гдѣ были расположены по теченію рѣки Кары пять или шесть огромныхъ остроговъ, наполненныхъ тысячами каторжниковъ. Здѣсь онъ представлялъ собою высшую власть и не могъ встрѣтить никакого противодѣйствія своимъ распоряженіямъ; но отсюда могли сыпаться и дѣйствительно вскорѣ посыпались на него доносы.

И вотъ послѣ долгаго, почти пятилѣтняго тюремнаго заключенія наша маленькая товарищеская группа оказалась на полной свободѣ въ предѣлахъ даннаго далекаго уголка. Мы могли вдоволь наслаждаться роскошной мѣстной природой, съ ея жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ ея красивыми сопками, съ ея огромными смолистыми лиственницами, съ ея необыкновеннымъ богатствомъ цвѣтовъ. У насъ были книги, были хорошія воспоминанія; насъ связывали хорошія дружескія отношенія; у насъ была молодость, были силы, были не только неразрушенныя, а даже и непоколебленныя общественныя стремленія. Но мы были плѣнниками. Далекая Россія, къ которой рвались всѣ наши мысли, казалась намъ недосягаемой мечтой. Въ насъ не было той душевной усталости или политическаго разложенія, при которыхъ даже и ссылка, обставленная сколько нибудь сносными условіями, является какъ-бы тихимъ пристанищемъ. Это активное настроеніе, этотъ избытокъ энергіи, при встрѣчѣ съ окружавшей насъ общественной пустыней, производили диссонансъ, который накладывалъ мучительный от-

фиціальномъ мірѣ. Человѣкъ съ большими способностями, умный и развитой, онъ отличался гордымъ и независимымъ характеромъ. Встрѣчаясь съ людьми другого круга и другого образа мыслей, онъ умѣлъ цѣнить въ нихъ то, что заслуживало уваженія,—въ такихъ случаяхъ признанныя закономъ и даже обязательныя для него мѣрки отходили на второй планъ. При насъ на Карѣ была группа уральскихъ казаковъ, сосланныхъ за волненія, бывшія въ 1874 г. Это были убѣжденные люди, жертвы политическихъ преслѣдованій. Вопреки всѣмъ тюремнымъ уставамъ, Кононовичъ не сталъ держать ихъ въ тюрьмѣ и устроилъ имъ болѣе сносное существованіе, назначивъ ихъ сторожами при казенныхъ магазинахъ. Встрѣтившись съ политическими заключенными, онъ вскорѣ разглядѣлъ въ нихъ болѣе близкихъ себѣ по духу людей, чѣмъ окружавшее его общество казацкихъ офицеровъ и чиновниковъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него Евгеній Степановичъ Семяновскій. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся человѣкъ—выдающійся по уму, по образованію, по силѣ общественнаго чувства и по силѣ сознанія неприкосновенности своей личности. Онъ горячо любилъ рабочій народъ. Онъ бросилъ все, бросилъ любимаго отца, бросилъ личное счастье, карьеру, и пошелъ, вмѣстѣ съ другими, съ книжками къ рабочимъ; но ни за какія идеальныя блага онъ не отказался бы ни отъ одной малѣйшей частицы своего человѣческаго достоинства. Сознаніе неприкосновенности своей человѣческой личности было дороже для него жизни. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и хорошо владѣлъ собой; онъ просто и спокойно отстаивалъ свои требованія, когда они касались этой святыни для него, но пошелъ бы въ отстаиваніи ихъ до конца. Во время его пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, по дорогѣ въ Кару, его, одѣтаго въ арестантскій халатъ, встрѣтилъ на тюремномъ дворѣ полковникъ Соловьевъ, адьютантъ иркутскаго генералъ-губернатора, надменный гвардейскій офицеръ. Послѣдовалъ вопросъ: „Какъ фамилія?“ Зная, что передъ нимъ политическій арестантъ, Соловьевъ намѣренно избѣгалъ мѣстоименія. „Чья?“ — спросилъ его Семяновскій. „Какъ фамилія?“—уже угрожающе загремѣлъ Соловьевъ. „Чья?“ — снова и также спокойно повторилъ Семяновскій, причемъ смотрѣлъ Соловьеву прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было столько внутренней силы и рѣшимости, что Соловьевъ не выдержалъ и пре-

рывающимся голосомъ произнесъ:—„Ваша“. Эта небольшая сцена очень характерна. Семяновскій отлично понималъ серьезность положенія: если бы Соловьевъ не сдался, дѣло кончилось бы неминуемой катастрофой. Въ этомъ отношеніи Семяновскій былъ хрупкая натура, не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И онъ дѣйствительно скоро погибъ, не кончивъ срока каторжныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, Кононовичъ сталъ хлопотать чрезъ Забайкальскаго губернатора о примѣненіи къ политическимъ заключеннымъ общаго тюремнаго правила, по которому вторая половина срока проводится каторжниками на вольныхъ квартирахъ. Разрѣшеніе было получено черезъ годъ, но Кононовичъ къ веснѣ освободилъ насъ изъ тюрьмы своею властью. Онъ освободилъ насъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ и освободилъ отъ всякаго вмѣшательства въ нашу жизнь мѣстной полиціи. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, гдѣ были расположены по теченію рѣки Кары пять или шесть огромныхъ остроговъ, наполненныхъ тысячами каторжниковъ. Здѣсь онъ представлялъ собою высшую власть и не могъ встрѣтить никакого противодѣйствія своимъ распоряженіямъ; но отсюда могли сыпаться и дѣйствительно вскорѣ посыпались на него доносы.

И вотъ послѣ долгаго, почти пятилѣтняго тюремнаго заключенія наша маленькая товарищеская группа оказалась на полной свободѣ въ предѣлахъ даннаго далекаго уголка. Мы могли вдоволь наслаждаться роскошной мѣстной природой, съ ея жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ ея красивыми сопками, съ ея огромными смолистыми лиственницами, съ ея необыкновеннымъ богатствомъ цвѣтовъ. У насъ были книги, были хорошія воспоминанія; насъ связывали хорошія дружескія отношенія; у насъ была молодость, были силы, были не только неразрушенныя, а даже и непоколебленныя общественныя стремленія. Но мы были плѣнниками. Далекая Россія, къ которой рвались всѣ наши мысли, казалась намъ недосягаемой мечтой. Въ насъ не было той душевной усталости или политическаго разложенія, при которыхъ даже и ссылка, обставленная сколько нибудь сносными условіями, является какъ-бы тихимъ пристанищемъ. Это активное настроеніе, этотъ избытокъ энергіи, при встрѣчѣ съ окружавшей насъ общественной пустыней, производили диссонансъ, который накладывалъ мучительный от-

печатокъ на наше существованіе. Всего сильнѣе отражалось это на Семяновскомъ. Онъ трудно переносилъ ссылку. Его большія способности, его страстное стремленіе быть полезнымъ своему народу какъ бы переполняли его тоскующее сердце, не находя выхода. Мысль объ уходившихъ безплодно годахъ терзала его; но только въ рѣдкія минуты и только самымъ близкимъ друзьямъ онъ высказывалъ свое скрытое настроеніе. Обычно же онъ казался очень спокойнымъ и даже оживленнымъ. Онъ былъ болѣе другихъ центромъ нашей небольшой колоніи. Къ нему обращались за совѣтомъ; онъ велъ переговоры съ Кононовичемъ по поводу какихъ нибудь столкновеній съ мелкимъ мѣстнымъ начальствомъ; съ нимъ чаще всего заводились теоретическіе разговоры.

Анна Дмитріевна также нелегко переживала наше вынужденное интеллигентное отшельничество. Въ ней также всегда были очень живы общественныя стремленія. Какъ ни была она привязана къ своей семьѣ, но семья никогда не наполняла ея существованія. И чѣмъ болѣе продолжалась ссылка, тѣмъ менѣе она мирилась съ ней. Позднѣе, когда она жила въ Читѣ, а затѣмъ въ Нерчинскѣ, эта неудовлетворенность придавала какой-то хроническій тоскливый оттѣнокъ ея настроенію. Она была въ числѣ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и при большихъ семейныхъ заботахъ пронесли въ неприкосновенности, черезъ всю свою долголѣтнюю ссылку и умственные запросы и потребность въ общественной жизни.

Вскорѣ она познакомилась съ женой Кононовича, и это знакомство было началомъ той дружбы, которая связала ихъ впослѣдствіи, когда семья Кононовича оказалась одно время въ очень драматическомъ положеніи. У Анны Дмитріевны было умѣнье знакомиться съ людьми. Она привлекала ихъ къ себѣ своимъ умомъ и своею большой психологической чуткостью. Съ нею легко было быть откровеннымъ, такъ какъ можно было быть увѣреннымъ, что она не задѣнетъ болѣзненно ни одной вашей чувствительной струны. Въ ней было много изящества и потребности въ красотѣ. Она всегда умѣла придать привлекательный видъ своей домашней обстановкѣ, даже при жизни въ убогихъ карійскихъ квартирахъ съ выбѣленными известкой стѣнами; у нея въ домѣ всегда было хорошо и уютно...

Такъ жили мы въ теченіи почти двухъ лѣтъ въ своемъ тѣсномъ кругу, среди дикой природы, отрѣзанные отъ остального міра. До насъ доносились слухи о Петербургскихъ событіяхъ 1879 и 1880 годовъ, поражавшихъ насъ рѣзкимъ переломомъ по сравненію съ характеромъ движенія начала 70-хъ годовъ. Будучи оторванными отъ движенія съ 1874 г., мы не пережили сами всѣхъ условій, вызвавшихъ этотъ переломъ, а потому вначалѣ невполнѣ ясно представляли себѣ психологію дѣятелей послѣдняго періода. Только позднѣе, встрѣтившись съ ними лично, можно было уловить сущность новаго настроенія. Тѣмъ временемъ на Кару начали прибывать политическіе, осужденные по процессамъ 1879 года, изъ Кіева и Одессы. Для нихъ былъ приспособленъ одинъ изъ старыхъ остроговъ, вскорѣ насчитывавшій уже около сотни заключенныхъ. Для женщинъ была назначена небольшая особая тюрьма —та самая, въ которой мы провели первые мѣсяцы по пріѣздѣ на Кару. Среди заключенныхъ женщинъ находились Н. Армфельдъ — бывшій членъ нашего кружка, М. Ковалевская, С. Лешернъ, Кутитонская и др. Въ мужской тюрьмѣ сидѣли Волошенко, Попко, Стеблинъ-Каменскій, Михаилъ Родіоновичъ Поповъ, Жуковъ, Юрковскій и многіе другіе, которыхъ уже нѣтъ больше.

Вскорѣ намъ пришлось познакомиться со всѣми ними, такъ какъ нашему полу-идиллическому пребыванію на каторжныхъ работахъ былъ положенъ конецъ. Въ концѣ декабря 1880 года Кононовичъ получилъ распоряженіе, шедшее отъ Лорисъ-Меликова, — прекратить переписку политическихъ съ родственниками и уничтожить по отношенію къ нимъ освобожденіе на вольныя квартиры. Онъ долженъ былъ снова посадить насъ въ тюрьму.

Это неожиданное распоряженіе оборвало ту тонкую нитку, на которой съ трудомъ удерживалась для Семяновскаго его жизнь въ ссылкѣ. Идти снова въ тюрьму онъ не захотѣлъ и рѣшилъ умереть. Онъ давно уже былъ истерзанъ внутренне пятилѣтнимъ лишеніемъ свободы. Къ этому лишенію свободы онъ не могъ привыкнуть; онъ чувствовалъ его непрерывно, ежедневно. Каждое утро, поднимаясь съ постели, смотря на сверкающее солнце, на мирную природу, онъ зналъ, что онъ лишенъ на вѣки правъ, что онъ запертъ, какъ звѣрь въ клѣтку. Онъ не могъ свыкнуться съ этимъ положеніемъ. Въ немъ

не было той упругости, которая позволяетъ человѣку, при данныхъ обстоятельствахъ, въ силу практической необходимости, перейти на низшую ступень существованія. Онъ остался до конца тѣмъ же гордымъ и непоколебимымъ, какимъ вступилъ на избранный имъ путь; онъ сошелъ въ могилу съ тоскою въ сердцѣ, съ жаждой жизни, но съ сознаніемъ, что той жизни, какую ему предлагали, онъ не хочетъ. Однимъ изъ смертельныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему, было лишеніе переписки съ родными. Онъ горячо любилъ своего стараго отца, жившаго въ Кіевѣ. Между ними были не только родственная привязанность, но глубокое взаимное уваженіе. Мысль, что у него отнята возможность обмѣниваться хотя изрѣдка письмами съ любимымъ отцомъ, которому уже недолго оставалось жить, лишеніе этой простой человѣческой потребности, это сознаніе себя до такой степени въ чужихъ рукахъ перевернуло всю его душу. Передъ нимъ рисовалась перспектива еще долгой, трехлѣтней острожной жизни съ кандалами, съ Забайкальскими казаками, съ смотрителями... и онъ съ тяжелой мыслью о неотвратимомъ несчастіи „почтительнѣйше вернулъ свой билетъ“.

Семяновскій жилъ въ квартирѣ Чарушиныхъ. Утромъ въ тотъ день, когда насъ должны были отвести въ тюрьму, въ его комнатѣ раздался выстрѣлъ. Его нашли уже мертвымъ; на столѣ лежало его предсмертное письмо къ отцу и братьямъ. Письмо это трудно читать безъ слезъ на глазахъ.

Мы пошли въ острогъ, а жены остались хоронить мертвеца, могила котораго затеряна теперь вмѣстѣ со многими другими. Кононовичъ отказался отъ мѣста Карійскаго коменданта и былъ переведенъ въ Нерчинскъ начальникомъ Нерчинскаго каторжнаго округа.

Осужденнымъ по большому процессу оставалось до окончанія срока только нѣсколько мѣсяцевъ. Лѣтомъ 1881 года Чарушины, Синегубъ и я были переведены на поселеніе, причемъ Чарушины, пробывъ нѣкоторое время въ Читѣ, переѣхали затѣмъ въ Нерчинскъ, гдѣ и прожили лѣтъ 5 или 6. Здѣсь они опять встрѣтились съ Кононовичемъ и вскорѣ еще тѣснѣе сблизились съ нимъ. Какъ старшему военному чину въ Нерчинскѣ, Кононовичу была подана нерчинскими жителями жалоба на многолѣтнія злоупотребленія при рекрутскихъ пріемахъ въ мѣстномъ воинскомъ присутствіи. Дѣло шло о столь обычномъ въ Сибири взяточничествѣ. Исправникъ, вмѣстѣ съ по-

лицмейстеромъ, учредили бюро, черезъ которое за извѣстную плату можно было откупиться отъ воинской повинности. Сношенія велись черезъ посредство какого-то фактора изъ бывшихъ уголовныхъ ссыльныхъ. Кононовичъ по своему обычаю взялся за дѣло съ большой энергіей и скоро долженъ былъ арестовать, какъ исправника, такъ и полицмейстера. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ всѣ слѣдственныя бумаги держалъ у себя на дому. И вотъ, въ одну ночь, двери его дома были приперты снаружи кольями, а самый домъ подожженъ. Кононовичъ съ семьей едва успѣли выскочить изъ огня, бумаги всѣ сгорѣли.

Послѣ этой трагической исторіи семья Кононовича нашла на нѣкоторое время пріютъ у Чарушиныхъ, среди общаго отчужденія отъ нея мѣстной публики. Дѣло приняло одно время такой оборотъ, что уже Кононовичъ попалъ подъ негласное слѣдствіе, по обвиненію въ томъ, что онъ въ силу политическаго радикализма умышленно дискредитируетъ полицію.

По воспитанію и привычкамъ Кононовичъ далеко не былъ демократомъ. Кромѣ того, въ теченіи долгой службы, онъ усвоилъ на многое болѣе или менѣе бюрократическій взглядъ. Сначала онъ видѣлъ въ политическихъ просто людей, заслуживающихъ человѣческаго обращенія, причемъ проводилъ грань между политическими изъ интеллигенціи и политическими изъ рабочихъ: „я понимаю, что у васъ могутъ быть свои идеи—говорилъ онъ кому то изъ насъ—но скажите пожалуйста, что общаго между вами и Союзовымъ?“—Союзовъ былъ московскій рабочій. Впослѣдствіи Кононовичъ и объ Иванѣ Осиповичѣ Союзовѣ отзывался не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Эта большая перемѣна во взглядахъ произошла подъ вліяніемъ близкаго столкновенія съ людьми другой среды и другого міросозерцанія. Когда я встрѣтился съ Кононовичемъ въ Читѣ, въ 1884 или 1885 году я нашелъ въ немъ уже не чиновника коронной службы. Оффиціальная складка исчезла; передо мной былъ просто умный человѣкъ очень прогрессивныхъ взглядовъ.

Это одинъ изъ примѣровъ того вліянія, какое могло оказывать въ частности общество Анны Дмитріевны. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, самая личность которыхъ производитъ извѣстное обаяніе на окружающихъ: около нея всегда

были люди, подчиняющіеся невольно ея облагораживающему вліянію. Въ этомъ отношеніи тяжелая и въ значительной мѣрѣ изолированная жизнь Анны Дмитріевны, не дававшая возможности развернуться всѣмъ таившимся въ ней силамъ, не прошла безслѣдно; тѣ, которымъ пришлось встрѣтиться съ нею, не забудутъ ея горячихъ рѣчей, ея чуткой отзывчивости, ея способности привлекать другихъ къ заботамъ, выходящимъ изъ круга житейскихъ интересовъ. Загорѣвшаяся въ ней съ молодости искра божія уже не угасала.

Тяжела была ея жизнь. Много горя, много тяжелыхъ потерь, много могилъ было разсѣяно на ея пути. Но если подумать о той массѣ лучшихъ привязанностей, лучшихъ человѣческихъ чувствъ, лучшихъ воспоминаній, которыя связываются съ этой жизнью, то невольно приходитъ на память предсмертное письмо Семяновскаго. Несмотря на всю тоску и муку, приведшія его къ роковому концу, онъ всетаки звалъ своихъ младшихъ братьевъ слѣдовать его пути: лучшаго не отыщется въ этомъ мірѣ.

Л. Шишко.

Письмо Жоресу.

Дорогой товарищъ! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу Вашего обращенія къ русскимъ соціалистамъ въ „l'Humanité“ отъ 4 текущаго февраля. Позвольте мнѣ прежде всего поблагодарить Васъ за то истинно-дружеское участіе, которое сквозитъ въ каждой строкѣ Вашей статьи. Это именно дружеское участіе заставляетъ Васъ видѣть для насъ возможность теперь-же отказаться отъ „les methodes surannées d'un terrorisme plein de perils et de pièges“ и направить всѣ свои силы исключительно на развитіе соціалистической дѣятельности въ рабочихъ массахъ.

Съ этого именно, какъ Вы знаете, и началась наша соціалистическая дѣятельность болѣе 30-ти лѣтъ назадъ. Медленно, шагъ за шагомъ, мы пробивались къ рабочимъ массамъ — и вотъ достигли, наконецъ, того, что, пробужденныя отъ вѣкового сна, русскія рабочія массы жадно стремятся теперь къ сознательной жизни и къ осуществленію своихъ человѣческихъ правъ. Чтобы судить о силѣ ихъ идейныхъ запросовъ, достаточно вспомнить о тѣхъ милліонахъ соціалистическихъ брошюръ, которые разошлись среди нихъ въ теченіе тѣхъ немногихъ мѣсяцевъ, когда свобода печати фактически существовала въ Россіи. Появившіяся тогда соціалистическія газеты очень скоро пріобрѣтали сотни тысячъ подписчиковъ; издательство популярныхъ брошюръ сдѣлалось однимъ изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій; авторскій гонораръ въ этой области доходилъ до 500 франковъ за печатный листъ. Способность къ организованной борьбѣ русскихъ рабочихъ массъ была доказана въ это время множествомъ огромныхъ профессіональныхъ союзовъ, которые возникали какъ-бы по мановенію волшебной палочки.

Достаточно указать на „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ“, охватившій въ теченіе полуторыхъ лѣтъ (съ мая 1905 по ноябрь 1906) 24 губерніи, и на „Всероссійскій Желѣзнодорожный Союзъ“, одно только число членовъ котораго, выгнанныхъ со службы послѣ декабря 1905 г., достигаетъ 92.000 человѣкъ. Размѣры вспыхнувшаго тогда рабочаго движенія были неожиданны даже для соціалистическихъ партій, это былъ взрывъ энтузіазма со стороны людей, впервые почувствовавшихъ себя гражданами. Трудно слушать безъ глубокаго волненія разсказы о многотысячныхъ митингахъ, происходившихъ въ „дни свободъ“ по всей Россіи, когда городскіе рабочіе посылали поѣзда въ деревни за крестьянами, чтобы привозить ихъ на митинги, когда крестьяне посылали въ города вагоны съ хлѣбомъ, чтобы поддержать стачечниковъ, когда рабочіе захватывали въ свои руки цѣлые города, устраняли отъ должностей всѣхъ чиновниковъ и назначали временное правительство изъ своихъ представителей... Это было великое, наивное и безкровное движеніе, вспыхнувшее въ минуту правительственной паники.

Знаете-ли Вы, дорогой товарищъ, какая ближайшая участь постигла это движеніе? Оно было затоплено въ народной крови. Вы вѣроятно слышали о томъ, какъ Семеновскій полкъ прошелъ по станціямъ Московско-Рязанской желѣзной дороги и разстрѣливалъ безъ разбора всѣхъ попадавшихся желѣзнодорожныхъ рабочихъ, виновныхъ только въ томъ, что они участвовали въ стачкѣ? Начальникъ этого полка, генералъ Минъ, былъ убитъ Зинаидой Коноплянниковой. Вы вѣроятно слышали о неистовствахъ въ Саратовской губерніи генералъ-адъютанта Сахарова, убитаго Настасьей Биценко? Онъ разстрѣливалъ и засѣкалъ до смерти крестьянъ. Появляясь въ деревнѣ, онъ собиралъ жителей и производилъ поголовное истязаніе: затѣмъ, по указанію полиціи и помѣщичьихъ управляющихъ, отбиралъ наиболѣе сознательныхъ

крестьянъ и убивалъ ихъ или предавалъ неслыханнымъ мукамъ. Такъ погибли многіе изъ лучшихъ представителей крестьянъ, многіе изъ тѣхъ крестьянъ-идеалистовъ, которые уже мечтали, что настало время, когда они, свободные, будутъ работать на освобожденной землѣ.

Таковыя-же, если не еще болѣе ужасныя звѣрства были произведены Луженовскимъ и Богдановичемъ въ Тамбовской губерніи и Филоновымъ въ Полтавской. Всѣ трое также были убиты террористами.

Террористическіе акты въ такой-же мѣрѣ вопросъ политической необходимости, какъ и дѣло непосредственнаго чувства. Не всѣ люди, на глазахъ которыхъ совершаются безнаказанно убійства и истязанія, способны выносить эти ужасы. Есть такая степень поруганія всѣхъ человѣческихъ чувствъ, при которой нормальная жизнь для такихъ людей становится невозможной. Тогда они находятъ для себя разрѣшеніе своего мучительнаго состоянія въ героическомъ поступкѣ. Таковы были Балмашевъ, Каляевъ, Гершуни, Фрумкина, Коноплянникова, Рагозинникова...

Кто можетъ сказать, чтобы поступки ихъ были политической ошибкой? На какихъ вѣсахъ мы можемъ взвѣсить цѣнность этихъ поступковъ? Какая мѣрка существуетъ у насъ для опредѣленія послѣдствій каждаго отдѣльнаго акта въ процессѣ еще незаконченной борьбы?

Если оцѣнивать террористическіе акты съ точки зрѣнія политическаго положенія современной Россіи, то трудно не видѣть въ нихъ одинъ изъ двухъ единственно возможныхъ теперь способовъ политической борьбы. Другимъ способомъ остается вооруженное возстаніе. Внѣ этихъ двухъ способовъ, политическая борьба невозможна теперь въ Россіи. Россія управляется теперь не народнымъ представительствомъ и даже не классовымъ правительствомъ, а организованной шайкой разбойниковъ, за которою прячется 20 или 30 ты-

сячъ крупныхъ помѣщиковъ. Эта шайка разбойниковъ дѣйствуетъ голымъ насиліемъ, нисколько не скрывая этого: она терроризируетъ населеніе при помощи казаковъ и наемной полиціи. Третья Дума съ Государственнымъ Совѣтомъ не представляютъ собою даже слабаго подобія парламентскаго режима: это простое орудіе въ рукахъ той-же правительственной шайки; огромнымъ большинствомъ голосовъ они поддерживаютъ осадное положеніе въ странѣ, освобождающее правительство отъ стѣсненій даже прежняго законодательства. Осадное положеніе и система генералъ-губернаторовъ съ неограниченной властью — вотъ способъ правленія, установившійся теперь въ Россіи. Ошибочно думать, чтобы это новое политическое положеніе открывало для соціалистическихъ партій возможность другой формы дѣятельности, кромѣ строго-конспиративной, замкнутой въ среду тайныхъ организацій. Россія сильно измѣнилась за послѣдніе годы, но она измѣнилась лишь въ сферѣ сознанія ея рабочихъ массъ. Русскія рабочія массы уже носятъ въ своемъ сознаніи идеалы высшаго государственнаго устройства, но въ окружающей ихъ дѣйствительности онѣ сталкиваются со всѣми ужасами стараго полицейскаго міра. Этотъ полицейскій міръ невозможно реформировать; его можно только уничтожить. Такова ближайшая и неизбѣжная задача русской общественной жизни. Эта задача стоитъ передъ соціалистической партіей. Не соціалисты-революціонеры ищутъ насильственныхъ средствъ: имъ объявлена истребительная война со стороны представителей голаго насилія. При такихъ условіяхъ террористическая борьба является лишь одною изъ формъ открытой войны, причемъ трудно понять, почему удары этой неизбѣжной кровавой борьбы должны миновать непосредственныхъ носителей правительственнаго насилія?...

Л. Шишко.

Къ вопросу объ организаціи.

Существуетъ два типа организацій, рѣзко различающихся между собой: тайныя и открытыя организаціи. Нашей партіи предстоитъ пока имѣть дѣло только съ типомъ первыхъ организацій.

Несомнѣнно что эта необходимость дѣйствовать путемъ тайныхъ организацій влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія. Всякое революціонное движеніе пробиваетъ себѣ дорогу среди безчисленныхъ затрудненій, вредно отражающихся на успѣхѣ дѣла. Путемъ революціонной борьбы лишь очень дорогою цѣною пріобрѣтаются тѣ завоеванія, которыми обезпечивается и закрѣпляется ростъ массового сознанія; на эту трудную первоначальную работу уходятъ многія лучшія силы, причемъ видимые ея результаты далеко не всегда соотвѣтствуютъ понесеннымъ потерямъ. Это кажущееся несоотвѣтствіе между затрачиваемыми усиліями и достигаемыми результатами, это огромное количество энергіи, уходящей на простое преодолѣніе *инерціи* общественнаго организма и разбивающееся объ эту инерцію, составляетъ неизбѣжный законъ революціонной борьбы.

Понятно, что эта необходимость двигаться не прямыми, а трудными окольными путями къ назначенной цѣли и выбирать далеко не всегда наиболѣе желательныя средства отражается также и на всемъ организаціонномъ дѣлѣ. Главными недостатками партійной организаціи является въ такомъ случаѣ нарушеніе демократическаго принципа и невозможность охватить массовые элементы. Партія, по своимъ основнымъ задачамъ стремящаяся къ полному демократизму и страстно жаждущая сліянія съ рабочими массами, принуждена замыкаться

въ конспиративныя группы и проводить, въ значительной степени, начало кооптаціи, а не прямыхъ выборовъ при пополненіи своихъ рядовъ. Такое отступленіе въ революціонной практикѣ отъ тѣхъ требованій, которыя являются минимальными требованіями партійной программы по отношенію къ общественной жизни, оставляетъ подчасъ много горечи въ душѣ самыхъ искреннихъ, самыхъ лучшихъ партійныхъ работниковъ, причемъ тѣ конспиративныя и централистическія требованія, которыя явно препятствуютъ широтѣ движенія и неизбѣжно вносятъ въ него тысячу нежелательныхъ искаженій, и которыя терпятся, лишь какъ неизбѣжное зло, невольно приписываются, въ большей или меньшей степени, личнымъ склонностямъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ дѣятелей, преобладанію авторитарнаго начала въ партійной практикѣ и т. д.

Чтобы провѣрить основательность этихъ упрековъ, необходимо убѣдиться прежде всего въ томъ, въ какой мѣрѣ извѣстная степень централизаціи и отступленія отъ выборнаго начала дѣйствительно *вынуждается* требованіями революціонной борьбы, ибо въ такомъ случаѣ должны падать сами собою всѣ относящіяся сюда обвиненія личнаго свойства, и данныя формы партійной организаціи пріобрѣтаютъ характеръ исторической необходимости.

Чѣмъ вызывается потребность въ строго изолированной, строго замкнутой конспиративной работѣ въ сферѣ тѣхъ соціальныхъ вопросовъ, которые обнимаютъ собою интересы рабочихъ массъ и которые, по существу своему, требуютъ съ ихъ стороны самаго широкаго участія и самаго непосредственнаго вмѣшательства? Только безусловною невозможностью вести дѣло на иныхъ началахъ, только наличностью такихъ противодѣйствій, которыя невозможно устранить открытой борьбой. Отсюда вытекаетъ необходимость длительной подготовительной стадіи революціоннаго

движенія, въ теченіи которой, подъ огнемъ непріятеля, въ станѣ торжествующаго врага, накопляются революціонныя силы и куется на него оружіе. Ясно, что широкій общественный характеръ поставленныхъ задачъ сталкивается здѣсь съ требованіями того единственнаго способа, путемъ котораго возможно приближеніе къ ихъ разрѣшенію; ясно также, что участіе въ этой подготовительной революціонной работѣ доступно лишь для очень небольшой части заинтересованныхъ въ ней рабочихъ массъ.

Первымъ факторомъ революціоннаго отбора является въ данномъ случаѣ самая опасность революціонной борьбы, отстраняющая отъ нея тѣ элементы, въ которыхъ личная боязнь превышаетъ силу общественныхъ стремленій; но даже и здѣсь дѣло не можетъ быть предоставлено самопроизвольному вліянію опасности. Очень часто встрѣчаются люди порыва, увлекающіеся, но недостаточно стойкіе, чтобы выдержать продолжительную борьбу между сознаніемъ долга и инстинктомъ самосохраненія. Участіе такихъ лицъ въ конспиративныхъ организаціяхъ крайне вредно и совершенно нежелательно. Въ такой-же мѣрѣ вредно и нежелательно участіе въ революціонной работѣ всѣхъ людей, не отличающихся конспиративными способностями, умѣньемъ хранить тайну революціоннаго дѣла и надлежащею степенью осмотрительности.

Теперь спрашивается: какимъ способомъ можетъ быть обезпечена правильность этого необходимаго революціоннаго отбора, внѣ котораго невозможно представить себѣ успѣшное развитіе революціоннаго движенія? Веденіе революціоннаго дѣла неизбѣжно требуетъ организованности, т. е. наличности связанныхъ между собою конспиративныхъ группъ; членами этихъ конспиративныхъ группъ могутъ быть лишь люди, обладающіе—кромѣ принципіальнаго признанія данныхъ программныхъ требованій — извѣстными личными свойства-

ми. Кѣмъ-же должна быть опредѣляема степень пригодности тѣхъ или иныхъ лицъ къ занятію мѣста въ рядахъ партійной организаціи?

Ясно, что самая постановка этого вопроса отнимаетъ всякую возможность разрѣшенія его путемъ строгаго проведенія принципа демократическихъ выборовъ. Когда рѣчь идетъ о созданіи конспиративной группы, изолированной отъ окружающихъ ее массъ, интересы которыхъ она защищаетъ, — тѣмъ самымъ предполагается полная невозможность прямого участія этихъ массъ въ созданіи данной группы. Если даже допустить, что голосъ народа, голосъ большинства рабочихъ массъ въ пользу извѣстнаго лица могъ-бы служить лучшимъ ручательствомъ его конспиративныхъ и другихъ необходимыхъ свойствъ — лучшимъ, чѣмъ даже выборъ, сдѣланный со стороны наиболѣе способныхъ и опытныхъ членовъ организаціи (а такое допущеніе, по нашему мнѣнію, совершенно возможно), то неизбѣжная публичность голосованія, нарушающая тайну именъ, дѣлаетъ этотъ способъ выбора совершенно непримѣнимымъ. Остается, слѣдовательно, единственно возможный путь — руководиться мнѣніемъ лишь очень небольшой части заинтересованныхъ массъ, уже стоящей болѣе или менѣе близко къ организаціи и посвященной въ ея конспиративныя тайны.

Но ясно, что такое отступленіе отъ принципа всеобщаго голосованія является кореннымъ нарушеніемъ требованія демократизаціи выборовъ. Кромѣ того, является вопросъ: какимъ путемъ выдѣляется изъ всей массы, заинтересованной въ ходѣ революціонной борьбы, та ея очень небольшая часть, которая болѣе или менѣе привлечена къ участію въ этой борьбѣ и болѣе или менѣе посвящена въ ея тайны? Очевидно, что и въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ итти только о выборѣ, идущемъ со стороны болѣе старыхъ и еще менѣе многочисленныхъ членовъ организаціи, пополняющихъ свои ряды не путемъ проведенія принципа

демократическихъ выборовъ, а путемъ кооптаціи. Слѣдя далѣе за исторіей возникновенія каждой тайной революціонной организаціи, мы неизбѣжно приходимъ такимъ образомъ къ первоначальному ядру, состоящему изъ очень ограниченнаго числа революціонеровъ.

Совершенно очевидно, что такой именно способъ возникновенія и развитія революціонной организаціи изъ небольшого первоначальнаго ядра путемъ самопополненія — единственно возможный, единственно мыслимый способъ и что, въ основѣ своей, онъ долженъ поддерживаться во весь тотъ періодъ, пока революціонная партія не перестанетъ быть тайной и не сдѣлается открытой.

Какъ ни велики, какъ ни громадны неудобства, связанныя съ такою централистическою формою организаціи, подчиненной, въ отношеніи выбора своихъ членовъ, контролю, идущему не со стороны заинтересованныхъ массъ, а контролю, основанному исключительно на авторитетѣ болѣе опытныхъ членовъ организаціи, — съ ними приходится мириться, какъ съ вещью, вытекающею изъ сущности даннаго положенія; всякое возмущеніе по поводу произвола и централизма будетъ направлено въ этомъ случаѣ противъ веденія самой революціонной борьбы, отрицаніемъ единственнаго возможнаго ея способа. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь всегда будутъ ошибки, всегда будетъ даже мѣсто для проявленія чисто личныхъ недостатковъ; но развѣ мыслимо желаніе видѣть въ составѣ партійной организаціи исключительно непогрѣшимыхъ людей или людей, лишенныхъ личныхъ недостатковъ? Со всѣми промахами тайной революціонной организаціи приходится мириться не изъ чувства снисхожденія къ ея руководителямъ, а изъ сознанія совершенной неизбѣжности этихъ промаховъ и недостатковъ со стороны даже самыхъ сильныхъ людей.

Тѣ условія, которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ способъ выбора членовъ конспиративной органи-

заціи, основанный на контролѣ, идущемъ изъ центральнаго ядра, дѣлаютъ неизбѣжнымъ тотъ же самый контроль по отношенію къ единству дѣйствія и единству программы всей организаціи. Подпольный способъ веденія всей работы часто не допускаетъ возможности замѣнить этотъ контроль болѣе демократическимъ пріемомъ разрѣшенія внутреннихъ партійныхъ конфликтовъ путемъ созыва поголовныхъ мѣстныхъ или общихъ съѣздовъ. И вотъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда созывъ такого съѣзда является крайне затруднительнымъ и опаснымъ, приходится предоставлять центральнымъ партійнымъ учрежденіямъ право налагать свое veto на рѣшенія мѣстныхъ группъ и даже право распущенія ихъ въ случаѣ явнаго отступленія отъ основныхъ требованій партійной программы или тактики.

Нечего говорить, что такой авторитарный путь, обезпечивающій поддержаніе необходимаго единства въ партіи, совершенно противорѣчитъ демократическимъ требованіямъ и можетъ глубоко задѣвать демократическія чувства товарищей; но спрашивается: какъ же быть иначе? Единственный иной путь — допустить въ предѣлахъ партіи любое уклоненіе въ ту или другую сторону. Но ясно, что въ такомъ видѣ партія можетъ просуществовать лишь до появленія въ ея рядахъ перваго крупнаго разногласія, послѣ чего, разъ только диссиденты не отойдутъ сами всторону и не образуютъ особой организаціи, — на что никогда невозможно разсчитывать,—въ партіи необходимо возникнетъ хаосъ, и вся ея дѣятельность будетъ парализована.

Таковы, въ немногихъ словахъ, тѣ тяжелыя условія, среди которыхъ приходится развиваться тайной революціонной организаціи. О томъ противовѣсѣ имъ, который достигается здѣсь путемъ общихъ партійныхъ съѣздовъ, мы не будемъ говорить, такъ какъ такая роль ихъ сама собою понятна; но намъ хотѣлось-бы сказать нѣсколько словъ о другомъ противовѣсѣ, имѣющемъ также огромное значеніе и касающемся наиболѣе слабаго пункта тайныхъ организацій.

Такимъ наиболѣе слабымъ пунктомъ является, по нашему мнѣнію, недостаточно тѣсная связь тайной революціонной организаціи съ рабочими массами, ея вынужденная замкнутость и разобщенность отъ нихъ. Съ требованіями извѣстной централизаціи рабочія массы легко могутъ помириться, такъ какъ эти требованія налагаются очевидною необходимостью; гораздо большая опасность является для партіи въ томъ случаѣ, если между нею и рабочими массами не устанавливается достаточно полнаго взаимнаго пониманія, если указанія и постановленія партіи не будутъ находить въ рабочихъ массахъ нужнаго отклика, если онѣ перестанутъ видѣть въ ней истинную представительницу своихъ интересовъ.

Для того, чтобы не допустить такого нежелательнаго явленія, грозящаго всякой замкнутой, тайной организаціи, существуетъ, по нашему мнѣнію, одно единственное средство: стремиться всѣми силами, чтобы возможно большее число мѣстъ въ ея рядахъ было заполнено людьми, вышедшими изъ рабочихъ массъ, чтобы данная организація не пріобрѣтала характера исключительно или даже преимущественно интеллигентской организаціи, какъ въ своихъ мѣстныхъ, такъ и въ своихъ центральныхъ учрежденіяхъ.

На это, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ не было обращено достаточно вниманія въ нашей Партіи. Напротивъ, иногда замѣчается то, напримѣръ, ненормальное явленіе, что, при наличности въ данныхъ уѣздныхъ группахъ прямо выдающихся по уму и характеру крестьянъ, губернскій комитетъ состоитъ сплошь изъ одной интеллигенціи, иногда очень юной и часто мѣняющейся вслѣдствіе проваловъ. Между тѣмъ именно привлеченіе партійныхъ членовъ изъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ къ работѣ въ мѣстныхъ ко-

митетахъ должно открыть имъ доступъ во всѣ другія партійныя учрежденія, и ради достиженія этой цѣли не слѣдуетъ щадить никакихъ усилій и никакихъ денежныхъ средствъ. Всякій шагъ въ этомъ направленіи будетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ сближенія партіи съ рабочими массами, такъ безконечно затрудненнаго для нея необходимостью исключительно подпольной работы. На этотъ пунктъ мы хотѣли-бы обратить самое серьезное вниманіе всѣхъ нашихъ партійныхъ товарищей.

Л. Ш.

Списокъ работъ Л. Э. Шишко.

1872 годъ.

«Чтой-то, братцы, какъ тяжело живется на свѣтѣ» — брошюра, изданіе кружка чайковцевъ.

1897 годъ.

П. Б. **Къ вопросу объ исторической необходимости. —** Русское Богатство. IX.

1898 годъ.

П. Б. **Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ во Франціи.** Рус. Бог. II.

П. Б. **Нѣсколько замѣчаній объ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова,** Рус. Бог. VIII.

П. Б. **Задача пониманія исторіи.** Рус. Бог. X.

1899 годъ.

П. Б. **Къ вопросу о пониманіи исторіи.** Рус. Бог. II, III, VI(IX), VII(X).

П. Б. **Экскурсія въ малоизвѣстную и таинственную область.** Рус. Бог. IX(XII).

Чемизовъ. **Къ вопросу о практическихъ задачахъ революціонной партіи.** Летучіе Листки, изд. Фондомъ Вольной Русской Прессы. № 45 отъ 15 апрѣля. Лондонъ.

Чемизовъ. **Подпольная Россія.** Тамъ же. № 46 отъ 10 августа.

1900 годъ.

П. Батинъ. **Человѣкъ и общественная среда.** Рус. Бог. I

П. Батинъ. **Отвѣтъ П. Н. Милюкову.** Рус. Бог. X

Очерки изъ русской исторіи, ч. I. Изд. Аграрно-Соціалистической Лиги. (Лондонъ). 1900 г. 114 стр.

Тоже въ легальной обложкѣ подъ заглавіемъ:

Благовѣщенскій. Исторія отъ начала Руси до Петра I. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ.

Переизданы: 2-ое изд. Агр. Соц. Лиги и П. С.-Р. 1902 г. (Женева). 3-ье изд. П. С.-Р. 1902 г. (Женева). Легальныя изданія: „Библіотеки для всѣхъ“, „Донской Рѣчи“, „Молодой Россіи“ 1905-1906.

1901 годъ.

П. Батинъ. **Замѣтка.** Рус. Бог. II.

П. Батинъ. **Сельскохозяйственная философія г. Рожкова.** Рус. Бог. V.

Бесѣды о землѣ Изд. Агр.-Соц. Лиги стр. 16. (Женева).